

Шешкаускас Максим
ХОХОТ ДЕМИУРГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Плаха и Веха

18+

Максим Шешкаускас

Хохот Демиурга. Плаха и Веха

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шешкаускас М.

Хохот Демиурга. Плаха и Веха / М. Шешкаускас — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-07170-4

«Нужно больше секса, насилия, воспевания человеческих пороков — искусство не нужно — новое искусство — искусственное потакание запросам!» Веха начинает воплощать свой маниакальный план по истреблению писателей, так как считает, что они туманят разум. Плаха бросает все, чтобы написать свой первый роман. Чем болен Бог, нашептывающий Вехе подсказки? В каком эксперименте принял участие Плаха? В покрытом гигантскими щупальцами Петербурге героев ждет роковая встреча. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07170-4

© Шешкаускас М., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Веха 1. Уроки плавания и сломавшийся мир	6
Плаха 1. Лопнувший пузырь	13
Веха 2. Контрабандист Ганин	16
Плаха 2. Приземленный Банане и космос без Гагарина	25
Веха 3. Сбивая плоды познания осколком кирпича	32
Плаха 3. Общий вагон, «ой» и тяга к никотину	36
Веха 4. Паладин, Чайковский и красота в сравнении	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Посвящаю книгу любимой

Если Господь сподобит нас Рая, мы удивимся двум вещам: во-первых, тому, что увидим там тех, кого никак не ожидали увидеть, а, во-вторых, тому, что не встретим там тех, кого ожидали встретить.

Православный анекдот

***ВНИМАНИЕ!!** Помимо избыточной в книге обсценной лексики в романе будут лишены жизни 8 человек (двое из которых благополучно воскреснут).*

Веха 1. Уроки плавания и сломавшийся мир

Не помню, с чего всё началось. Как вспомнить, если прямо сейчас весь мир кажется каким-то приглушенным, изнутри по вискам барабанит мысль о предстоящем сегодня, а кругом спуют щупальца?

Действительно не помню – пытаюсь и не могу, будто совсем ничего не было до. Пытаюсь вспомнить, что заставило решиться, рассматриваю оборот медицинской справки, исписанный вчерашними размышлениями, и – ничего... Ничего не могу вспомнить, что было до. Что конкретно или череда каких событий привела к теперешнему моменту, в котором я сижу на бордюре, допиваю вторую банку пива, солнце светит в глаза, а в наплечной сумке у меня паспорт со свежей визой, билет на автобус, мобильник и кухонный нож.

Смотрю на оборот справки и с трудом расшифровываю собственный почерк. Несвязные обрывки фраз и граничащие с безумием идеи. Хочется переписать все прямо сейчас – почему-то самые сочные мысли приходят с похмелья. Мысли и сексуальное возбуждение – видимо, измученный, отравленный, готовящийся к гибели организм хочет впечатать себя в вечность хоть каким-нибудь способом – потомками ли, идеями – ему всё равно, лишь бы не исчезнуть бесследно...

Я ведом жаждой утолить навязчивую идею – жуткую и безумную. Я готов на всё, только бы избавиться от зуда внутри, не позволяющего дышать полной грудью.

Веня... У нас остался неоконченный разговор – увидел бы ты, что наделал – из-за тебя я сейчас убью человека.

Голова кружится и мутнеет в глазах: все вокруг, даже воспоминания, связаны со смертью. Очень живые воспоминания – отчетливо помню детали того дня, будто пережил все полчаса назад.

Холодный дождь, путаясь в волосах, кажется, просачивается сквозь кожу, пронизывает мозг и проникает ниже – до самого позвонка. Стекланный навес остановки битком набит людьми, но только над одной парочкой нависают щупальца. Вижу Веню в недрах навеса, машу ему, он мне в ответ.

Из всех однокурсников приятельствую только с ним – нас объединяет презрение к мудакам и выскочкам с курса, любовь к чтению и возраст – мы оба старше остальных одногруппников.

Не пробираюсь в толпу, стою поодаль под дождем, подняв ворот куртки – хочется свежести в сырое серое утро, а получается озноб до костей. Спал ночью плохо, дремал: раскаты грома и вспышки молний вводили в транс, а не погружали в сновидения – казалось, если засну, то уже навсегда сольюсь с абсолютом, и всю ночь я боролся с младшим братом смерти.

Подходит автобус – длинная сине-белая махина, почему-то в любую погоду душная внутри. Пропускаю толкающихся, захожу последним вслед за Веней. Регистрируем поездки, здороваемся ещё раз – теперь рукопожатием – ощущаю тепло мягкой пухлой ладони. Веня садится у окна, прилипает лбом к холодному стеклу и тяжело выдыхает – прозрачная поверхность тут же запотеваает. Догадываюсь, из-за каких употребленных вчера напитков он пытается впитать прохладу, и произвольная усмешка вырывается из меня. Веня, не отрывая, перекачивает голову по стеклу, смотрит на меня отрешенно и обдает зловонным дыханием – букетом из продуктов распада этанола и блевотины.

– Живой вообще? Выглядишь жалко, – признаюсь, – не сдашь же сегодня, готовься к пересдаче.

Смотрит на меня, не меняясь в выражении. Смотрит и молчит. Долго смотрит. А потом вдруг выдыхает, отравляя воздух перегаром, и говорит:

– Знаешь, Лёха, мир – говно. Вчера вечером понял, а сегодня проснулся и убедился.

– До, во время или после того, как шары залил, понял?

Веня будто не слышит, продолжает, глядя куда-то сквозь меня:

– Нет, по-настоящему понял: жизнь – просто прямая, ведущая от рождения к смерти...

– Бухать надо меньше, говорю же!

– Жизнь, постоянная тяга к свободе и счастью, которых никогда не достигнешь...

– Жизнь прекрасна, – злюсь я, – хочешь чего-то достичь, кончай бухать, займись делом, поверь в себя – вот прямо сейчас начни...

– Охуенный мотиватор и статус для фб, своей несостоятельностью разбивающийся о действительность... И скольких по подобным советам ставших счастливыми ты знаешь, Лёха? Запомни – счастья никогда не достигнешь!

– Хорош гнать! Я, например, по-любому...

– Ага! «По-любому», – на его лице возникает подобие улыбки, – откуда такая уверенность? И ведь не ты один – каждый уверен, что уж он-то «по-любому», что стоит только захотеть, обязательно все получится. Этому с детства пытаются научить, чтобы потом мы хотели заколачивать бабло и к чему-то стремиться...

– А чем плохо?

– А чем хорошо? Нахуя всё это? Все действия для того, чтобы когда-то потом стало пиздато?

– И что?

– Что «и что»? Не тупи! – искажается в злобной гримасе, видно, что даже это дается с трудом в его похмелье, – посмотри вокруг, вдумайся. Счастливыми нам никогда не быть! Каждый, кто научился мыслить, становится несчастным. Как только человек научился мыслить – он начинает фантазировать – значит и мечтать. Вот с того момента всю оставшуюся жизнь и мечтает о всякой хуе в перспективе. А значит оборачивается в ослика, преследующего подвешенную на палке, привязанную к его же спине морковку. И все – даже если ослик каким-то способом избежит и, выскочив из шкуры, морковку словит, потом-то он всё равно проголодается, а на его обесшкуренную спину закрепят новую палку, да подлиннее прежней. А шкуры больше нет, откуда выпрыгивать, понимаешь? На новый айфон уже не хватит...

– Сам осёл, – отшучиваюсь, – «самсунг» куплю, если что!

– Счастливей сделает?

– Смотря сколько памяти и что за камера!

Тяжело вздыхает и отворачивается. Хочу погрузиться в смартфон, но колет обидой, что Веня, по всей видимости, посчитал меня недалеким. Чуть замешкав, спрашиваю:

– По-твоему, значит, чтобы чувствовать себя счастливым, нужно не думать, не фантазировать и не мечтать? Наглухо ебнутый идиот – самый счастливый человек на свете?

– Чтобы «быть», а не «чувствовать» себя счастливым, – поправляет Веня, – чувствовать себя счастливым – хуйня, это всё от той же думалки – фантазирую, мол, что чувствую себя счастливым, и сейчас придумаю, почему я себя так чувствую... Знаешь, да. И я вот на полном серьёзе считаю, что основная беда от грамотности – ее стоило бы ликвидировать – это самое гадкое и подлое изобретение человечества. Возьми любое по-настоящему хорошее произведение – музыкальное, литературное, изобразительное... всюду мотивом проходит тоска и грусть, значит автор несчастен, но туда же – теши эгоизм, насаждает страдания. А чем талантливее автор, чем красивее упакованы его муки, тем больше он их насаждает в

головах потребителей творчества, – Веня делает особый презрительный акцент даже не на «потребителях», а на «творчестве».

– Значит, в пизду искусство? – улыбаюсь, как, наверное, улыбается родитель, слушая наивные фантазии безопытного ребёнка.

– Не паясничай. Конечно, в пизду! Писателей, например, абсолютно всех истребить надо.

– Чтобы достигнуть счастья-то?

– Именно. Неприятно, да, но мир сильно запущен, чтобы достичь счастья, много неприятного надо сделать...

– Чтобы улучшить существование всем и разом, значит?

То ли не понимает, то ли делает вид, что не понимает.

– Писатели – злостные ублюдки, – продолжает Веня, – они миры создают и побуждают читателей фантазировать, мечтать. Они насилуют чужие мозги своими идеями – каждый из них думает, что знает истину – в лучшем случае считает, что ищет её и приближается к пониманию в поиске. И этим семенем черт знает чего там ему пришедшего в голову он извергается в мозг читателю. А, как я уже говорил, если писатель сумел идею красиво преподнести и оформить, то семя даёт плод, который затем продолжит давать потомство. А какая в пизду может быть истина и кому она вообще может быть известна? Ни одному писателю, сеющему ложь, уж точно! Всё лишь заблуждения, приводящие к производству ещё большего количества айфонов.

– Ведь бред несешь! Более того, уверен, что полно счастливых, удовлетворённых системой...

– ...Сказал Лёха, – перебивает Веня, – бедный студент, которым не захочет стать не то что любой из пассажиров этого автобуса, любой пассажир планеты. Кстати, вот как ты считаешь, кто-то из наших попутчиков рад отправляться туда, куда он отправляется? Нет, давай-ка по-другому вопрос поставлю, чтобы исключить случайность – как считаешь, многие ли из этого автобуса на прошлой неделе, все семь её дней, по утрам радовались каждому новому дню? Радовались, что наконец проснулись и наступил новый счастливый день? Многие ли радовались действительности больше, чем сну?

– Кончай нести пургу, – начинаю по-настоящему раздражаться. – Это сейчас я студент перед экзаменом, через пяток лет посмотрим. Есть люди и состоявшиеся, и состоятельные.

– Ты купающихся в своих деньгах сейчас имеешь в виду, наверное? С их почти двадцати-четырёхчасовым рабочим днем, обязательным окном в расписании для тусовок и прочим, чем они по максимуму забивают время, лишь бы не думать? Но бывает, наедине с собой остаются и они – набитые эгоизмом, желанием быть лучшими, самостоятельными, модными – да у них там на конце палки целая охапка разнообразной морковки... Как думаешь, счастливы они в тот момент, когда им приходится думать? А знаешь, они ведь не скупые на самом деле... они готовы делиться, да. Представляешь, сколько их напускная праздность дарит морковки наблюдающим за ними? Сколько индивидуального ада дарит желание на них равняться не таким состоятельным беднягам...

– По-твоему, значит, другой возможности, кроме как истребить всех писателей, богачей, учёных, ну и просто умеющих читать и писать – стать счастливым у человечества нет?

– Почему нет? Есть, разумеется, – делается серьёзным и отлипает от стекла, – надо свершить единственное возможное в этом мире волшебство – заставить исчезнуть свой мир.

– Ну да... – поддакиваю я и улыбаясь.

– Не пизди, мудака, если не врубаешься!

– Поясни тогда!

В этот раз Венины слова задевают сильно. Грань между тем, когда слова от тебя отскакивают как горох от стены и вонзаются пулей в душу – очень тонка.

– Как сделать, чтобы пропал мир? Надо понять, что ты не постоянно преследующий цель осёл, а сама цель и есть...

– Морковка, что ли?

Разочарованный Веня мотает головой, вновь прижимается к стеклу и отворачивается.

– Но у меня этого никогда не получится... Если даже выразить не могу, значит остаётся крайний способ.

– И что ты будешь делать? – спрашиваю аккуратно, чуя дурное.

– А я тебе покажу, может, даже поможешь. Идем, наша остановка!

– Нихуя! – смотрю в окно на пустынный склон к пустынному же в такую погоду парку на берегу Даугавы, – у нас через полчаса экзамен, забыл?

– Прошу, – в глазах бесконечная мука, – будет тебе уважительная причина на перенос.

Спускаемся со склона молча, отгоняя пугающие мысли – убеждая себя в их неправдоподобности.

– Все-таки куда и зачем мы идем? – страх принимает форму раздражения.

– Секрет, – бравирует севшим голосом, – большой-большой секрет.

И, вероятно, чтобы взбодриться, неуместно запевает:

Куда идем мы с Пятачком?

Большой, большой секрет.

И не расскажем мы о нем,

О нет, и нет, и нет.

Как зацикленный, без конца напевает одни и те же строчки. Я, замороженный, слушаю, как он не попадает в ноты. Все одно и то же, одно и то же:

Куда идем мы с Пятачком?

Большой, большой секрет.

Останавливается у древней, глубоко корнями вросшей в берег ивы, толстенный ствол которой нависает над водой. Сбрасывает рюкзак.

– Через пятнадцать минут экзамен, – пытаюсь образумить.

Веня достает из рюкзака веревку, взбирается по стволу, садится, свесив ноги. Несколько раз обматывает веревку вокруг дерева.

– Что ты хочешь сделать?

Пытаюсь подняться к нему, но ноги не слушают. Я в ночном кошмаре, вызванном грозой: ватные ноги и шум в голове не дают влиять – только наблюдать, холодея.

– Представь, – трясущимися руками готовит петлю, – почти как в сказке – есть развилка и два пути: перед первым лежит фонарь, а дальше тропинка, ведущая во мрак, что на том пути, не узнаешь, пока не возьмешь фонарь и не пойдешь. И по всему маршруту ты сможешь освещать только маленький пяточок, на котором находишься. Что ждет в конце и какая панорама откроется в следующий момент – чудесные ли виды, добрые ли люди, или же разбойники в трущобах – ты не узнаешь, пока не подойдешь и не осветишь. Страшный из-за своей неизвестности путь, а на указателе написано «Жизнь».

Второй путь манит своей предсказуемостью – будь она великолепна или же даже ужасна, не важно – приятно, что ты видишь маршрут насквозь, и, если какая кочка не нравится, можешь попросить поработать ландшафтных дизайнеров – что-то убрать, что-то добавить. На указателе этого пути сказано «Фантазия».

Постоянно оказываешься перед очередной развилкой, и надо выбирать, каким путем идти. И я выбираю тот, где легко и уютно, это должно быть понятно, по-моему, но вот

только никуда не иду на самом деле, а стою зачарованный и смотрю в волшебный монитор. Вместо того, чтобы что-то делать, мечтаю, как хорошо было бы сделать. А потом, когда уже поздно, думаю, что в следующий-то раз уж точно не упущу настоящее. Понимаешь? ДУМАЮ. Я заиклен в этой ловушке...

– И что? Слушай, прекращай, а?

– А какой из двух путей обычно выбираешь ты?

– Я? Да что ты делаешь?!

Веня надевает заготовленную петлю на шею, затягивает узел:

– Желаю тебе не заблудиться, друг.

И он переваливается, в последний момент будто передумав, цепляя руками воздух.

Все. Конец. И я это понимаю. Трясет будто бы от холода, а не страха – словно назойливый дискомфорт из-за сырой обуви. Оглядываюсь, не знаю, пытаться ли снять Веню, звать ли на помощь или уйти, пока никто не видит...

Ручки у меня нет, вторая банка допита. Открываю последнюю. Хмель заслоняет похмелье, голова немного побаливает, но думать уже не так противно. План... Смотрю на листок – от написанных неровным пьяным почерком фраз отходят стрелочки к другим фразам.

После его самоубийства я часто вспоминал наш последний разговор, и чем больше думал, тем сильнее сгущалась туча, пока наконец не обрушилась грозой, которая вымыла спокойствие и наполнила одержимостью.

Нацарапанные пьяные фразы стрелочками сводятся к выводу: «ЖИЗНЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ЛЕГКА И ГАРМОНИЧНА!!» – именно гнев на несправедливость бытия и привел к тому, что я сегодня объявляю. Я провозглашаю войну против тех, из-за кого жизнь совсем не такая. Жизнь должна быть легкой и гармоничной – вместо этого она предсказуемо рутинная и безысходная гонка за недостижимым счастьем – может, с небольшими отклонениями вправо или влево все мы следуем одним курсом – плывём подобранную нам дистанцию. И всю дистанцию мы гребём между социальных страт – та, что под нами, в которую мы погружены почти целиком, подобна тёплой воде, та, что над нами – как воздух... Мы гребём, отчаянно размахивая руками, жадно глотая воздух, давясь водой. Гребём, но не сдаёмся. Всё надеемся взлететь – всё не можем понять, что лететь неспособны из-за особенностей конструкции тела, а вот пойти на дно, выбившись из сил, можем запросто. И всё из-за погони за счастьем, за морковкой, подвешенной на конце палки. Всё из-за способности фантазировать, которая приводит к мечтаньям. Из-за способности, которую прививают нам недоумки, считающие себя умнее остальных – из-за различного рода писателей, возглавляющих колонну недоумков и гадающих больше остальных... А надо просто плыть по течению. Это сложно уловить и невозможно принять – поэтому и тянет в недостижимую высоту. Поэтому и тратишь все свои силы. А изредка мимо проплывают те, которые отдались течению, но, как правило – это уже обглоданные рыбёшкой трупы – такие, как Веня, который смог уловить, но не смог принять...

Никаких же неожиданных поворотов, ведущих к той жизни, которая в мечтах – не будет. Всё распределено уже при рождении – дальше лишь двигаясь в рамках своей страты, своего социального статуса... Есть, конечно, где-то и те, кому удаётся вырваться, но это скорее исключение, которое существует, лишь чтобы принести горечи остальным – чтобы больше мечтали. Сам ты никогда в исключение не попадёшь, а даже если попадёшь, что потом? Всё те же простые движения по новой жизни, всё те же едва осуществимые, но уже новые фантазии и полное отсутствие счастья – Веня был прав: человек должен существовать не чтобы думать, а чтобы жить!

Чтобы взвинтить себя окончательно, переворачиваю листок и пробегаюсь по написанному сужающимся почерком диагнозу...

Сначала помогал алкоголь – позволял забыться и не думать – алкоголем хорошо запивать фантазии и мечты о счастье, да. Но вскоре наскучил и он. Так для чего же надо сохранить себя в этом бессмысленном существовании, почему надо соблюдать непонятно кем созданный порядок и правила?

Если я понимаю, что гонка за счастьем бессмысленна, но отказаться принимать в ней участие не могу – значит до самого конца меня ждет бесконечное ощущение поражения? Пусть. Мне удалось с этим смириться и даже не поступить как Веня – сократить себе наказание... Нет, я не такой слабак, я смогу с этим жить. Но остаток дней я посвящу борьбе с теми, кто возглавляет колонну...

Пиво допито. Светит почти летнее солнышко, на небе ни облачка, лишь вдалеке виднеется тонкий черный шлейф от земли к небу – отсюда мне не разглядеть, хотя нутром понимаю, что это одна из щупалец купается в солнечных лучах.

Смотрю на часы – время подходит, скоро он должен появиться – вот-вот наступит пора действовать. А пока жду, не особо понимая, что будет дальше... Хотя что значит «не понимаю»? Если нож я с собой прихватил.

Хищником всматриваюсь в редких прохожих: девушка с коляской, парочка работяг... Спустя несколько минут проходит стайка студентов, спешащая к остановке.

За студентами неспешно идёт бритый налысо, нагловатого вида парень в толстовке и мешковатых штанах, ниже меня ростом и далеко не спортивного телосложения: «да нам с тобой по пути, дружок!»

Оттого что резко встаю, кружится голова – быстрым шагом, немного покачиваясь, иду вслед за парнем. Лёгкий мандраж по всему телу, громко колотится сердце. Трусливый голосок внутри призывает одуматься и остановиться – его пресекает другой, решительный голос того, кого я подпитал алкоголем...

Бритоголовый мнит себя писателем – этим он мне и интересен. Он пишет под непроизносимым псевдонимом «;tkxm» и выкладывает опусы в ЖЖ. Отклик на его творчество достаточен, чтобы объявить парня зловердным.

Студенты остаются на остановке, писака идет дальше – в точности соблюдает описанный в своем рассказе маршрут, который будто бы убивает его рутинностью. Убивает...

Все его тексты, что я прочитал, выражают недовольство окружающим – такого не должно быть жалко, я освобожу его от пытки существования...

Писака сворачивает с дороги во дворы – то, что мне нужно!

И вдруг тревога накрывает волной. Ноги ватные. «СТОП!» – кричит внутренний голос, заглушая все внешние шумы. Рука никак не слушается и не тянется за ножом... Неужели тело опять подведет и предаст? Ну же! Сейчас или никогда!

Писака уверенно идёт вперёд, даже щупальца не поспевают за ним, я же неосознанно сбавляю шаг...

Значит никогда. Останавливаюсь, замираю. Стыд из-за нерешительности обволакивает тело. Не в моих силах пойти на задуманное – получается, я обречён топить безысходность в алкоголе. Вот и всё. Трагический финал.

И откровение посещает меня.

Сигнал вспыхивает у меня внутри. Вспышка, и я вижу мир, сжатый до состояния точки, и в точке я чувствую весь опыт, пережитый писаккой, всю кашу в его голове... Всё происходит мгновенно, но я чётко слышу приказ: «Убить!»

Если бы не откровение, не решился бы – сдался и ушёл домой. Но когда с тобой говорит Господь... А это был он, я почувствовал... Теперь я знаю – на меня возложен долг – я должен зачистить мир, такова его воля.

Писака добирается до подходящего места – едва не переходя на бег, нагоняю, одновременно вытаскивая из кармана нож...

*Проснись и пой! Проснись и пой!
Попробуй в жизни хоть раз...*

Звонит мобильный, но я не обращаю внимания.

Пусть это будет лишь капля в море, но я внесу свой вклад. Священная война началась – я сделаю всё возможное, чтобы зачистить мир от тех, кто заставляет мечтать, от тех, кто учит стремиться к недостижимому счастью! И если я прав – мне воздастся сполна.

Писака оглядывается, когда я настигаю почти вплотную. Он не успевает среагировать, лишь заглядывает мне в глаза перед тем, как я бью ножом в спину. Нож не проходит сквозь плоть, как я ожидал, а попадает во что-то твердое. Писака пытается вскрикнуть, но я, сам не понимая, что делаю, оглушаю его ударом в челюсть. Он падает...

...А между тем – все так же мир хорош!

В этот раз нож проходит глубоко, только что впившееся в писака щупальце отстраняется...

Мир рушится – не только писака, но и мой. Мой мир ломается и обезображивается, я переступил точку невозврата – убил.

Не помню, сколько ударов ножом нанёс. Знаю, что много. Знаю, что он мёртв наверняка. Иду быстрым шагом, всего колотит, пот льётся градом. Руки в карманах джинсов сжимают штанины – так я надеюсь усмирить дрожь. Нанеся последний удар, я не вынул нож из тела. Кажется, меня успела рассмотреть та парочка – отложился ли мой портрет у них в памяти? Только бы не начался розыск до момента, пока не пересеку границу – следовательно вряд ли поверит в мою богом избранность.

Снова звонит телефон, слышу мелодию, и хочется нестись сломя голову. Пересиливаю страх и достаю мобильник – номер неизвестен. Трясущейся рукой с трудом провожу по экрану, прислоняю телефон к уху.

– Всё не так плохо, как кажется, Веха, – говорит мне скрипучий голос, – у тебя ещё есть шанс всё исправить.

– Что исправить? Ты вообще о чем?

Обрываю разговор и бросаю телефон в урну, мимо которой как раз прохожу – мобильная связь больше не понадобится.

А что, мне нравится – «Веха» – подходящее имя для моей новой жизни!

Священная война началась. Впереди меня ждёт город, изобилующий разного рода писака. Дай же мне силы, Господь!

До автовокзала иду улыбаясь.

Плаха 1. Лопнувший пузырь

Завершен очередной телефонный разговор.

Спираль прикуривателя касается кончика сигареты, они сливаются в мимолетном пламенном поцелуе. Тихое шипение тлеющего табака при затяжке. Пропущенный через лёгкие дым уходит в приоткрытое окно.

Автомобиль медленно продвигается вперёд – стоят все ряды, кольцо сомкнулось. Пешком было бы быстрее.

Тридцать тысяч рублей плюс проценты от прибыли. Уют, комфортабельные условия труда, многочисленные приятели...

Сцепление, тормоз, нейтральная скорость. Никакого движения вперёд. Затормозив на дороге...

Как и в жизни – рутинная работа, рутинные встречи с приятелями, которых когда-то называл друзьями. Любовь давно прошла, встречи не доставляют удовольствия, осталась рутина... И с друзьями встречи могут превратиться в рутинные – когда всё вокруг кажется тягучим гудроном, уже ни в чем нельзя найти спасительный островок – всё кажется повторяющимся, давно надоевшим дежавю. Дом как место заночевать. И извечный вопрос – жив ли я до сих пор?

Мёртв давно, пожалуй. Ходячий мертвец, изо дня в день автоматизированно передвигающийся по замкнутой кривой, проведенной через десяток точек в плоскости Москвы. Мертвец, изо дня в день начинающий и заканчивающий маршрут в койке, стоящей на бетонной панели между перекрытиями второго и четвертого этажей. И точки своей ежедневной замкнутой кривой, как и большинство москвичей, проложил я сам, даже не выбираясь из анабиоза. Город забит пульсирующими интенсивностью мертвецами, желающими доказать, что они по-прежнему живы...

А если живы, то для чего? Смысл существования, если полагать, что он есть – в созидании, в творчестве – создании нового из ничего, продолжая дело, начатое Богом, чихнувшим Большим Взрывом и рассеявшим пыльцу галактик по Вселенной.

Сколько рабочих звонков в день принимаю? А делаю сам?

Сцепление, тормоз, нейтральная скорость... Нужно было брать коробку автомат.

Моросит дождь, раздражающе скрипят дворники – включаю радио. Приевшиеся голоса ведущих:

– Вот, говорят, Господь наш померещился очередному чуднику. Который это по счёту?

– Кажется, уже четвёртый в Москве... Но, может, не стоит так, всё-таки?

– Как так?

– «Померещился». Не боишься испытать на себе праведный гнев Господа Всемогущего?

– Умоляю... – ведущий думает над произнесённым и смеется, – Бог, как известно, уже давно мертв, человек – свободен.

– Да-да, свободен и может разойтись... Но всё же – уже четверо заявивших, что сам Бог с ними разговаривал, и это только за прошедшую неделю. Многовато, не находишь?

– Весна, друг. А почему свихнувшиеся вспомнили о Боге? Элементарно – слишком много истерии последнее время вокруг темы веры и религии.

– Но всё-таки, если предположить...

– Предположить что? Давай-ка вспомним, какой разговор состоялся у нашего последнего чудника с Господом?

– Господь сказал ему построить храм. По-моему, вполне нормальное со стороны Бога требование...

– Ты видел эскиз этого храма?

– Ну а что – аккуратная такая пирамидка – как раз на место сдутой пойдет.

– Хорошо, ну а до этого? Что Боженька предложил сделать остальным троим? Одному бросить семью и уйти в монастырь, другому подготовиться к концу света, и моя любимая рекомендация, внимание – «перебить всех понаехавших»...

– Н-да... Но тут, может, надо просто отделять зерна от плевел? А вот как тебе весть из Петербурга, например?

– Что за весть, ну-ка, ну-ка?

– Как же, ужасели не слышал? Речь идёт о некоем полицейском, о полицейском-экстрасенсе, так будет вернее... Который распутывает сложные дела благодаря голосу, нисходящему на него свыше.

Выключаю радио. Сцепление, тормоз, нейтральная скорость... Всё, что остаётся – это стоя в заторе слушать бредни, позволяющие мертвецам ощутить подобие жизни. Вот оно – идеальное занятие скоротать часы. Скоротать часы за чужими бреднями, чтобы самому по возможности меньше думать... Чтобы меньше думать, что жизнь проходит мимо. Мимо меня, чёрт побери... Чтобы совсем об этом не думать!

Создавать новое из ничего. Способен ли я на подобное или уже впитал такое количество яда, что давно окоченел и умер? Есть ли во мне остатки души, способной на творчество? Хоть на что-нибудь? Пусть посеять семечко, из которого когда-то прорастёт дерево! Не разменял ли я ещё всего себя на билетки на чертово колесо?

Телефонный звонок – постоянный клиент. Лояльный клиент многое стерпит – на звонок не отвечаю...

Не разменял ли я душу на проездные билетки на колесо, производящее ничто. На пустое катание сквозь приевшуюся панораму.

Вдалеке от земли к небу тянется тонкий чёрный объект, должно быть, запустили спутник или что-то такое...

Чувствую, как недовольство разрастается внутри чёрным пузырьём, чтобы лопнуть. Лопнуть и чёрными едкими брызгами заляпать всё вокруг – вьесться в предметы и людей. Заставить всё вокруг ненавидеть.

На что сгодились бы остатки меня, реши я прекратить размениваться на билетки? Что нового я мог бы принести миру? На какую работу сгодится атрофированное городом тело? Нужны ли Вселенной мои навыки успешного продавца, ведь, кажется, я ничего не умею, кроме как продавать ненужные блестяшки соседям с карусели в дополнение к билеткам... От меня самого остались лишь злобные мысли. А что если изобразить свои мысли на бумаге? Что если долго скрести, в глубине себя я обнаружу что-то по-настоящему стоящее? Но сперва надо избавиться от злобы... Так когда же начать? Начну ли когда-то?

Приходит СМС от друга-приятеля: «вечером в баре, как всегда?»

Как всегда... Встреча мертвецов, цепляющихся за соломинку (в нашем случае за соломинку в коктейле). Попытка наполнить лёгкие воздухом, которые, увы, давно отдают мертвечиной...

Сцепление, тормоз, нейтральная скорость.

Сейчас или никогда.

Вспышка, и я вижу брызги лопнувшего пузыря на передней панели, на лобовом стекле, на стоящих в пробке автомобилях, на заткнувшихся ведущих проклятого радио, на их головах. Вижу брызги на радиоволнах, передающих телефонную связь, на уюте и приятелях. Даже деньги теперь будет противно держать в руке – так как они все заляпаны чёрными смолистыми пятнами...

Чувствую, будто что-то выстрелило внутри. И, может, я ещё не решил окончательно, может, не понял, что и как хочу сделать, но отступить от того, что произойдёт, я уже не смогу...

Сигнал правого поворотника, перестраиваюсь к обочине. Включаю аварийный сигнал – дальше пешком!

Звонит телефон, номер неизвестен. На порыве, вызванном автоматизированным рефлексом, отвечаю:

– Виктор, слушаю вас.

– От себя не уйдёшь, Плаха... – скрипучий голос на том конце.

– Не понял вас, повторите.

В трубке молчание.

– Вы на какой номер звоните? Возможно, не туда попали.

– От себя не уйдёшь, – продолжает скрипучий голос, который сложно описать из-за шипения в трубке, – ты умрёшь, Плаха, и с этим уже ничего не поделать...

Кладу трубку. Сбрендивший тип или пранкер, что одно и то же. Так пусть он захлебнётся в чёрной жиже моего лопнувшего пузыря недовольства.

Дальше пешком. Свежим мыслям нужны свежие впечатления, никогда не прогуливался по МКАДу.

Дотлевший окурок о борт пепельницы.

Веха 2. Контрабандист Ганин

– Ну просто анекдот – нанёс мне, понимаешь, семнадцать ножевых ранений. Из которых три в спину, а одно так вообще в пах... И что ты за человек после этого?

Передо мной стоит бритоголовый писака. На нём та же толстовка и те же мешковатые штаны, что были надеты во время моего нападения. Затхлый запах въедается в ноздри, горло дерёт от сухости.

Стою молча, на вопрос писаки не отвечая. Осматриваюсь, пытаюсь понять, что вокруг меня, почему-то не могу разобрать – вроде стоим в комнате, но интерьер никак не проглядывается, и не так, словно предметов совсем нет, а будто они есть, но не откладываются в памяти...

– Ладно, можешь не отвечать. Что ты ебанат – и так понятно, – продолжает писака, – расскажи лучше другой анекдот, почему я? Что я тебе такого сделал?

Рассматриваю писаку, одежда цела. Успел переодеться во второй комплект? И каким образом уцелел после стольких ударов?

– А ты не разговорчив! Хотя чего ожидать от психопата. Так, сейчас, погоди.

Писака морщит лоб и натирает виски пальцами.

– Преимущество мёртвых над живыми, – туманно объясняет он, – так... Вот это анекдот! Так, значит, ты остаток своей жалкой жизни борьбе с писателями посвятил?!

Молчу, хочу приблизиться к нему, но ноги опять непослушны.

– Это, значит, мои тексты могли навредить человечеству? Священная война, говоришь? Анекдот!

Мысли пеленают, писака виднеется в туманной дымке. Картинка тускнеет...

– Не-не-не! – грозит он кулаком.

Меня будто окатывают из ведра холодной водой, сонливость проходит, и я могу внимать его речи:

– Не-не-не! – повторяет тем временем. – Мы с тобой ещё не договорили. Я хочу, чтобы ты сам объяснил, зачем это сделал. Зачем целых семнадцать раз пырнул меня ножом?

– Ты пишешь, – произнесённый вслух сиплым голосом аргумент звучит нелепее, чем в мыслях, – промываешь мозги читателям, это надо было остановить.

– Вот анекдот! Ты же читал мои тексты? И что, я тебе сильно промыл?

Отвечать не хочется, но что-то подсказывает, что требуется:

– Мне нет... Но мог найтись кто-то, кому...

– Ага-ага!

– Мог найтись кто-то, кому бы промыл! – я не даю себя перебить. – А, может, уже кому-то успел! Ведь как ни крути – ты поучать пытался. А чему ты мог научить? Будто понимаешь истину.

– Истину? О чём ты? Где ты в моих текстах истину-то увидел? Анекдот!

– Любой текст подталкивает к размышлениям, даёт отправную точку. А кто ты такой, чтобы давать эту точку? Без тебя разберутся! Вернее, они и разбираться не должны. Должны жить, и всё.

– А кто **ты** такой, – писака смотрит спокойно, – чтобы решать, как должны поступать ОНИ.

– Ты прав. Поэтому-то я и молчу. Поэтому не навязываю никому принятое мной решение, не пишу трактатов, не насаждаю свои мысли в чужие головы.

– А вместо этого тихо истребляешь писателей...

– Что поделать, если вы пудрите мозги.

– Тебе, погляжу, запудрили капитально...

– Ну, вот ты, например, – говорю я сквозь зубы, не в силах подавить злобу, – ты хоть сам был уверен в том, о чём пишешь?

– Разумеется! – самодовольная ухмылка.

– Чушь! – перехожу на крик. – Ты просто изливал нытьё, взывал к сопереживанию, хотел привлечь к себе внимание! Всё, что ты делал – позволял взглянуть на жизнь глазами нытика и неудачника – заставлял читателя на время превратиться в себя, а к чему ему такой опыт? Думаешь, сделало бы это кого-нибудь лучше? Да чёрт с ним, с «лучше»! Сделало бы счастливее?

Писака отводит взгляд и картинно сунется:

– Вот видишь, я сейчас мысль не могу сформулировать, чтобы ответить, а ты меня прям того – семнадцать раз... Ты только скажи, допустим, истребишь всех пишущих – потом за высказывающихся вслух примешься? Они ведь также мыслями делятся, насаждают и прививают, как ты сам говоришь?

– Может быть. Если Он мне укажет.

– Ах да, забыл, тобой ведь Господь управляет... Анекдот! Но тихо... тихо... ты слышишь? – писака становится серьёзным и, приложив к уху ладонь, к чему-то прислушивается.

Я тоже пытаюсь прислушаться, но это оказывается сложной задачей – как только я начинаю концентрироваться на посторонних звуках, «плывет» картинка восприятия. Наконец я слышу жужжание вдалеке. Так может жужжать майский жук, например.

Писака замирает, а мне хочется услышать объяснение происходящему:

– Что это?

Вместо ответа он цыкает и закатывает глаза.

Жужжание усиливается и приближается. И вот в окно (только сейчас я осознаю, что мы стоим в пустой комнате у распахнутого окна) влетает насекомое. Оно похоже на стрекозу, только её тело изогнуто запятой так, что хвост торчит впереди головки.

– Что это за тварь?!

– Замри и не двигайся... – шепчет писака.

Невольно подчиняюсь. Насекомое делает несколько кругов над потолком, долетает до дальнего угла комнаты, кружит там и медленно летит прямо на меня.

Пячусь, попеременно оглядываясь то на писака, то на стрекозу. Отступить некуда – за спиной стена. Насекомое зависает в воздухе где-то в метре от меня...

А потом неожиданно нападает! Успеваю выставить руки и чувствую, как жало впивается в кисть. Писака громко хохочет.

– Что за...?

Пробую стряхнуть стрекозу, но она держится цепко. Хватаю её свободной рукой – насекомое, не высвободив жала, изворачивается и вгрызается в палец, откусывая от него кусочек плоти. Меня окатывает ледяной волной ужаса: у стрекозы миниатюрная человеческая головка с лицом бритоголового писака.

– Что происходит? Что ты делаешь?

Ответ доносится сквозь смех:

– Прививаю идею! Ты ведь этого боишься больше всего...

Не открывая глаз, обдумываю приснившийся кошмар. В салоне включают лампочки – от света закрытые веки кажутся залитыми красным...

– Приближаемся к границе. Кто ещё не заполнил – заполняем миграционные карты, – полностью выводит из сна голос стюарда.

Спать в кресле было неудобно, покалывают затёкшие ноги, из ранки на левой руке сочится и струйкой стекает кровь.

– Сейчас будем проходить таможенный контроль – готовьте паспорта и с ручной кладью на выход, – инструктирует стюард.

– Покурить бы? – просит мужик с кресла перед моим.

– После того, как пройдем контроль...

Поднимаюсь, прохожу вдоль рядов до туалета, закрываю за собой. Из зеркала смотрит бледное, почти белое лицо с уставшими глазами и двухдневной щетиной. Щёки впалые, чёрные круги под глазами...

Умываю лицо, смываю с руки уже запекающуюся кровь, обматываю рану бумажным полотенцем – кровь просачивается сквозь бумагу, зажимаю рану сильнее. Возвращаюсь на сидение.

Пассажиры в полупустом салоне суетятся, кто-то тянется за сумками на верхние полки, кто-то копошится на своем месте. Мужик, спрашивающий у стюарда, можно ли закурить, повернувшись в кресле, пристально смотрит на меня, на мою руку.

– Когда это ты успел? – кивает на рану. – У меня пластырь есть, дать?

Не дожидаясь ответа, лезет в рюкзак, что-то ищет, протягивает мне переносную аптечку.

Кивком благодарю, беру пластырь, срываю и комкаю промокшую бумагу, заклеиваю кровоточащую язву на руке.

– На вот, выпей.

Между сидениями появляется фляга. Не раздумывая, откручиваю пробку и из горла отпиваю. Виски разливается по нутру, сонное тело прошибает потом, металлическое послевкусие остаётся на нёбе...

– Ганин! – громко представляется мужик.

Киваю, возвращая флягу.

– Ганин А Пэ, почти как мой знаменитый тёзка.

– Понятно.

– И как мой тёзка – поэт! Только я осетин... – отпивает из фляги.

Внимательно смотрю на Ганина – лицо, обтянутый высохшей, загрубевшей кожей череп; карие пуговицы глаз; хаотичные чёрные и седые жидкие пучки волос на голове раскиданы, как фигуры в завершающейся шахматной партии.

Неужели судьба свела с ним не случайно и действовать придётся так скоро? А что я хотел? Вступая на путь войны, некогда расслабляться. Раз уж меня выбрали карающим перстом.

Но зачем так слепо? Провернуть такое в автобусе и уйти безнаказанным невозможно. Или?

Автобус останавливается. В окне виднеются контрольно-проходные пункты, перекрытые шлагбаумами, слева небольшое одноэтажное здание таможни.

Ганин снова протягивает флягу:

– На посошок, – подмигивает.

«Как бы не за упокой», – думаю цинично, отпивая.

– Ты, кстати, не представился.

Смотрю на него хмуро, но отвечаю:

– Веха.

– Здорово! – одобряет Ганин. – Ёмко и кратко. Тоже в Питер?

– Автобус ведь без остановок.

– Мало ли... – Ганин подвисает, – поди, пишешь чего?

– Не понял?

– Стихи? Прозу?

Автобус распахивает двери. Пассажиры выходят в ночную прохладу. Поднимаюсь, Ганин вслед за мной.

– Даже в мыслях не было.

– А зачем тогда в Питер? – удивляется, словно других причин быть не может в принципе.
«Резать таких, как ты», – думаю. Но вслух задаю встречный вопрос:

– А ты?

– Бить оригинальным слогом! Вот ты можешь небанальную рифму к «любовь» придумать?

– Вряд ли... – говорю куда-то мимо него.

Мысли перемешиваются с невероятной скоростью: «Что делать с поэтом? А что если меня уже поджидают на таможне? Ну, доберусь до Питера, что потом?»

– Строгий таможенный контроль ввёл пошлину на любовь. А Ганин контрабандой, перемешав с табаком и завернув в папиросную бумагу, жёлтыми зубами вгрызшись в фильтр, её украдкой пронёс, – декламирует Ганин и интересуется, – оригинально?

– Не уверен... А рифма?

– Экспромт! Только что родился.

Достает из нагрудного кармана блокнот с ручкой и что-то (видимо экспромт) записывает.

– Чуть доработать, конечно, требуется, – сознается, – а насчёт рифмы не заморачивайся. К «любовь» уже давно ничего свежего не придумаешь... Лучше без рифмы – свободный стих.

Стоим в очереди на таможенный контроль у опустевшего автобуса. Ганин в третий раз протягивает выпить. Сам сует в рот сигарету – в экспромте он не соврал – зубы действительно желтые.

Пытаюсь закрыть флягу, но пробка никак не налезает на резьбу – кажется – непереносимо громко постукивает о горлышко в трясущихся руках. Не привлечь бы внимание таможенников.

– Если я сейчас закурю, меня что, через границу не пропустят?

Что от меня надо этому охмелевшему поэту? Только лишний шум создаёт. А чего я боюсь, в самом деле?

– Любовь-покров. Как тебе находка? – предлагает Ганин. И тут же отвергает предложенное – пошловато...

Сейчас надо будет протянуть паспорт в окошко. Дел-то на минуту...

Ганин проходит контроль передо мной, подмигивает, остается подождать меня.

Сейчас передам паспорт. Она внимательно прочитает, осмотрит меня, кивнёт, выйдет куда-то... Вернётся на своё место, натянуто улыбнётся – я ещё успею рассмотреть следы розовой помады на зубах – красилась спросонья... Вот в этот момент меня незаметно под руки подхватят двое в форме, завалят на деревянный пол с содранной и протоптанной многочисленными ботинками краской... Конец похода...

Случайно оброненный мною студенческий, например... Фоторобот, составленный той парочкой, точно ведь хорошо рассмотрели... Отпечатки, оставленные на ноже... Бред! Меня нет ни в одной картотеке...

А что если прямо сейчас начнут снимать отпечатки у всех подряд?

Ерунда! Произошло рядовое убийство, коих в Риге полным-полно...

Листает паспорт до страницы с визой. Возвращается на первую страницу – сравнивает лицо на снимке с лицом перед нею. Опять пролистывает, ставит печать – таможенный контроль пройден.

– Ганин-таки пронёс контрабандную любовь, – извещает поэт, – пойдём, покурить надо. Сам-то куришь?

Не отвечаю, иду за ним следом на российский воздух, который запахом тот же латвийский. Наш автобус обыскивают в сторонке. Ганин закуривает, мне протягивает флягу:

– Допивай, у меня тут, – кивает на рюкзак, – ещё бутылка. Литр, больше не провезти.

Делаю большой глоток, но во фляге ещё остается. Выдыхаю, допиваю остатки. Кружится голова, дрожь в руках утихает, но ощущение, что вот-вот окликнут люди в форме, не покидает.

Смотрю на Ганина, тот, придерживая согнутую в локте руку другой рукой, курит. Мечтательный взгляд направлен к звёздам...

Так каким же образом мне поступить? Когда атаковать? По сигналу? Посетит ли меня, как посетило в прошлый раз, откровение? А что если я ошибаюсь, а что если поэты не входят в число насаждающих свою мысль? Певцы настоящего дня, воспевающие жизнь, по своей нежной натуре пострадавшие больше других от навязываемых писателями идей. Что если моя цель – исключительно прозаики? Или что если для поэтов Господом подготовлен другой воин?

А не от страха ли я так мыслю? Не Ганина ли глаза, в которых агрессивного блеска побольше, чем в моих будет, внушают эти мысли? Не объёмные ли мышцы под его футболкой? Не люди ли в форме? Когда это поэты были безобиднее? Кого там этот поэт собирался бить своим слогом?

– О! Я же тебе не рассказывал, как работал санитаром на скорой? – отвлекается от неба поэт, видимо, успев пересчитать все звёзды.

Автобус заканчивают обыскивать, пассажирам разрешают вернуться. Ганин, не отрываясь от рассказа, идет со мной рядом. Пересаживается на пустующее сидение рядом с моим.

Решаю бездействовать, пока новое откровение не укажет на противное.

Мы с поэтом долго пьем, а потом я отключаюсь.

Чувство, что кто-то глубоко во мне монотонно стонет, ощущение паров спирта при выдохе, хочется делать что угодно, только бы не сидеть на месте, хотя понимаю, что от похмелья не убежишь...

Автобус медленно продвигается по городу, стоим в пробке с самой его черты. Мокрая серость за запотевшим окном. Ганин сидит на своём месте, в прострации залипнув на стекло, а ведь ночью, чем отчётливее проглядывалось дно у бутылки, тем больше из поэта выливалось экспромтов, словно виски было тяжелее переполняющих его стихов и вытесняло их наружу.

Думать о прошлом и будущем не хочу, тем более планировать кого-то там убивать (как же страшно даже представить!). Взгляд лихорадочно мечется по салону и панораме за окном, больше всего я боюсь, что неожиданно нагрянувшее новое откровение вырвет меня из такого хрупкого состояния уюта. Впрочем, так же панически страшно и до конечной автобуса – я ощущаю себя слабым и незащищенным – мне бы сейчас хорошенько выспаться и отдохнуть, но, боюсь, денег едва ли хватит на номер даже в третьесортной гостинице...

Санкт-Петербург не производит никакого впечатления, что хорошо – значит разум не поддаётся на цепкие уловки цивилизации, не порождает пустого ощущения восторга перед жившими когда-то архитекторами, не облепливает фантазиями о том, как я мог бы обжиться, не заставляет мечтать, не приводит к неосуществимым идеям о возможном счастье...

Закрываю глаза и пытаюсь вздремнуть, но чем больше стараюсь не думать, тем сильнее бурлит поток мыслей.

С места вскакивает тучная женщина, салфеткой с платья вытирая пролитый сок. Платье чёрное, из сукна, похоже на рясу священника, ксёндза, например...

За окном, поднятый ветром, парит пустой полиэтиленовый пакет. В автобусе молчание, будто кто-то умер – глухое молчание, словно где-то рядом смерть, и от этого говорить неловко...

Неужели летний Петербург похож на весеннюю Ригу? Тогда так же шёл дождь, серое небо так же поглощало яркие краски...

Гурьбой продвигаемся от часовни к свежевыкопанной могиле. Иду в хвосте, переваривая речь ксёндза, который теперь едет за траурной колонной на отполированном воском белом внедорожнике – «мерседесе». Почему-то очень раздражает, как представляю, что ксёндз сейчас

едет, а в салоне включена печка, ему тепло, мы же идём – ботинки в грязи, многие без зонта... В какую сумму он оценил отпевание самоубийцы? Взял ли дорожку, чем с какого-нибудь прохожанина и праведника? Нет, наверное, ведь в его лице читается явное недовольство, речь сводилась к тому, что Веня – пример заблудшей без церкви овцы (Веня был некрещёным, как и принявшие решение о присутствии на похоронах католического священника его родители). Ксёндз намекал, что для Вени уже слишком поздно, но остальным шанс задуматься...

Думаю о лицах – пытаюсь угадать, кто первым сбросит траурную маску, кто вторым, и так далее. И, конечно, то и дело вспоминаю наш с Веней последний разговор...

Когда мы у могилы ждем ксёндза, ищущего место, где припарковаться и при этом не перекрыть узкую грунтовую дорогу, остро задумываюсь о смерти. Это случается со мной впервые. Разумеется, я имел разговоры на данную тему, но ни разу по-настоящему не вдумывался и вёл их, руководствуясь шаблонными не своими фразами и понятиями...

Вот открыли заднюю дверцу катафалка, а в нём лежит гроб с человеком, моим другом. Но его уже нет – осталось лишь мёртвое тело, а его самого, живого, нет больше нигде. Как ни ищи, куда ни заглядывай – нет его больше в жизни. Ушёл... А куда? В никуда. Его просто нет и больше не будет. Вот провожают, потом разойдутся – как считал Веня, разбредутся в поисках своего недостижимого счастья. А он ушёл навсегда, так и не достигнув... Считал, что достичь невозможно. И потому разорвал... Неужто небытие лучше? Ведь теперь-то он точно никого не сможет убедить в своей мысли. Ушёл, не оставив за собой ничего, возможно, лишь мне открыв свои убеждения.

А ведь я Веню всерьёз не воспринимал... Даже не пытался вникнуть в его идеи. А теперь он мёртв, нет его, и некому выслушать его хотя бы из уважения... Неужели я его совсем не уважал?.. А если бы я знал, как он закончит тот день? Свой последний? Как бы я слушал его последние мысли? Как бы отвечал, зная, что разговор заключительный?

А если он был прав? Что если счастье недостижимо? Что если он это понял и осознал? Редкий, кто понял, что борьба пустая. Что цель, кажущаяся такой близкой, на самом деле постоянно отдаляется на расстояние, на которое к ней приблизишься. Что лучше совсем без цели. Совсем. Ведь её невозможно достичь. И все мы уйдём, не догнав. В том числе и я. Пускай чуть позже Вени, но растворюсь, исключусь из жизни, никогда счастья не нагнав. В точности такая же участь, как Веню, ожидает и меня. Только позже. Чуть-чуть. Пустые фантазии. Лучше без них...

Но ведь смерть сама по себе не страшна. Чего бояться, если после неё ничего нет? Ад – осознание смерти, того, что когда-то умрёшь... Если бы только не думать, если бы отключить фантазию...

Жизнь – непрерывный матч в пинг-понг между желаемым и действительным, где мы лишь в роли шарика. Не беда, если сломаемся, треснем, раздавят... Шарик ничего не стоит...

Сейчас Веню опустят в могилу. Мы разойдёмся. А что ждёт меня? Какая разница между раньше и позже? И что заставляет думать об этом? Кто заставляет? Зачем? Ведь ад – в осознании смерти... Если бы не осознавать... Если бы не было тех, кто этому учит... если бы не мечтать...

...Порыв холодного ветра пронесит мимо пустой пакет...

...Ксёндз стоит подле могилы, стряхивая с подола рясы брызги, только больше размазывая мокрую грязь...

...Тучная женщина смиряется со свежим пятном на похожем на рясу платье...

...Глухое молчание, когда смерть где-то рядом. Когда говорить неловко...

...Сквозь дождь доносится плач убивающейся над усопшим сыном матери...

...Холод по телу...

...Увлажняются глаза...

А потом... А что потом? Потом я понял, почему поступок Вени трусливый. Понял, что он поступил эгоистично, ведь ему было кому причинить боль. Ведь у него остались близкие. У него были близкие, не то что у меня...

На сороковой день после его смерти меня позвали на кладбище, и чёрт меня дернул...

Его мать всё рассказывала о могиле, хвасталась, какой памятник она заказала и вскоре поставит. Она всё суетилась, убирала граблями, аккуратно раскладывала цветы, зажигала свечи, очень скрупулезно относилась даже к самой незначительной мелочи. Меня её поведение удивляло и раздражало – мать потеряла единственного сына, а вместо того, чтобы скорбеть, она всё хлопочет и хвалится этим. А потом я вдруг понял: мать потеряла своего сына. Своего единственного и навсегда. Всё, что от него осталось – небольшой клочок земли с деревянным крестом и холмиком. Она больше не сможет увидеть своего сына никогда. Не сможет поговорить, потрепать его, украдкой гордо улыбнуться... Веня живым ходил лохматым – а она, всегда считая его ребёнком, все норовила причесать, привести в порядок. Хотела причесать, да он смущался и грубил.

А теперь его нет, так пусть хоть могилка будет ухоженной. Хлопоча над землёй, она хлопочет над сыном, которого у нее больше нет.

Теперь я знаю, Бог есть, а значит смерть – не конец. Принял ли Бог Веню? Как Он относится к самоубийцам на самом деле? А к убийцам?

Но ведь это Он руководит мной! Видимо, он устал от всех наших заблуждений, от всех, кто в них вводит. Мечты приводят к грехам. Любой смертный грех – из-за отчаянной попытки настигнуть мимолётную мечту. Если бы нас не научили мыслить...

Кстати, куда делись мои вечные спутники – щупальца? А ведь они мне больше не докучают – с того самого момента, как я совершил кару. Как так? Сколько себя помню – они всегда были рядом повсюду, я даже привык их почти не замечать. А теперь их нет. Значит Господь со мной, и как только я вступил на верный путь, Он отогнал от меня всех бесов и демонов...

Автобус останавливается. Двери открываются, пассажиры выходят и строятся за багажом. Я не встаю, багажа у меня нет, что делать дальше, я не знаю. Спешить некуда. Только когда автобус пустеет совсем, выхожу.

– Тоже путешествуешь налегке?

Из-за моей спины выныривает Ганин. Улыбается, скаля чуть ли не все свои пожелтевшие зубы. На плечах у него огромный рюкзак.

Недоумённо киваю. Зачем он меня настиг, неужели всё-таки он следующий?

– Балтийский вокзал, – довольный Ганин оглядывается, – а совсем рядом, увы, уже не действующий, Варшавский. Тот самый, на который сошёл князь Мышкин, приехав из Швейцарии. Как у тебя со временем, прогуляемся?

Молчу, рассеяно смотря поэту в глаза.

– Тебе, я посмотрю, совсем плохо! Мы в ответе за тех, кого приручили, – Ганин смеется, кивая на вывеску «Пивной Бар» у вокзала, – пойдём? Угощаю.

И в своей манере, не дожидаясь ответа, направляется к бару. Я в своей манере, не собираясь отвечать, иду следом.

Бар находится справа от главного входа в вокзал на втором этаже привокзального здания – массивная дубовая стойка, кругом на стенах фотографии футболистов и «зенитовская» атрибутика – футболки, шарфы... Всё-таки что-то в интерьере заведения выдает шалман, может, пьяная «в дрова» троика в углу бара.

Садимся за столиком у окна – на столешнице лужица разлитого пива, но это ещё самый чистый из осмотренных нами. Подходит официантка, она же и бармен:

– Чего вам? – спрашивает нервно, демонстрируя, что клиент, может, и прав всегда, но не в этом заведении.

Ганин улыбается, видно – окружающая обстановка приносит ему удовольствие.

– Сто водки, а приятелю... Будешь водку?

– Лучше пива...

– Какого? – барменша-официантка резко оборачивается ко мне.

– Слышал, местное пиво не очень? – неуверенно спрашиваю.

Официантка пожимает плечами:

– Я пиво не пью... Фигура...

Барменша-официантка комплекцией напоминает пузатый пивной бочонок.

– А какое есть местное? – спрашивает Ганин.

– «Очаково», «Васька» домашний, красный, тёмный...

– «Василеостровское» бери, – подсказывает Ганин.

Киваю.

– Всё? – уточняет барменша-официантка и тут же, не дожидаясь ответа, уходит.

– Какие планы? – интересуется поэт.

– Там видно будет.

– Туманно... А я хочу осмотреться, понять, что к чему – кажется мне, в России наступают времена поэтов, грядёт революция – чувствуешь ее запах? Ты не подумай, все, что ты от меня слышал до этого – пьяное дурачество. Я и серьезные вещи писать могу.

И не дав вставить слова, декламирует:

Рьяные багряные

Копья, струи, жерди.

Языками рваными

Пьяные сюжеты.

Время болью впитывать,

Ранами дышать.

Сердца ход гранитовый.

Рано умирать...

– А зачем тебе в Питер? – не понимаю. – Постил бы стишки из Риги.

– Зачем? – Ганин немного обижается, но совладевает с собой. – Мои стихи надо вслух читать, звучание важно – разве не услышал?

Что сказать, не знаю, стих мне понравился, но признаться в этом, да ещё и при моем пути...

– Ты в Питере раньше был?

Кивает:

– Тыщу раз. А ты?

Мотаю головой.

– Ну, ты даёшь! Вещей с собой нет, в городе не был, что делать не знаешь, на туриста не похож – не обижайся, но странный ты какой-то!

Приносят выпить. Пиво вполне ничего. Поэт поднимает рюмку и хочет произнести тост, но у него звонит телефон.

– Так, извини, – Ганин опускает рюмку на стол (который так и не протёрли), отвечает на звонок. Долго слушает, потом что-то говорит, суетливо и взволнованно встает и отходит к окну.

Делаю ещё несколько глотков, дожидаясь поэта и соображая, что же с ним делать... Откровение все не является.

Ганин, не отрывая ухо от телефона, подходит и, прикрывая микрофон рукой, говорит:

– Веха, всё завертелось слишком быстро. Извини, надо бежать, выступление через двадцать минут.

Протягивает мне руку и, пока я соображаю, что происходит, не дожидаясь рукопожатия, залпом выпивает половину стопки и уходит.

Когда я допиваю своё пиво, остатки водки поэта и расплачиваюсь, от моей единственной тысячи остается шестьсот шестьдесят рублей...

На привокзальную площадь выхожу, не понимая, что делать дальше. Кругом снуют люди, каждый с какой-то целью спешит, мне идти некуда. Смотрю на ларёк с шавермой, перевожу взгляд в небо, на белый след пролетающего самолёта, и откровение наконец посещает меня...

Всё становится понятным – я вижу достаточно крупного человека, будто на расстоянии вытянутой ладони вижу его красное лицо – высокий лоб, выпученные глаза, чёрной сажей размазанную по щекам щетину. Вижу его захламленную квартиру, даже маршрут до неё, включая цвет ветки и нужную станцию метро, хотя понятия не имел, что в метро есть ветки, и они цветные.

На эскалаторе в подземелье спускаюсь спокойным – хорошо, когда Господь руководит тобой...

Плаха 2. Приземленный Банане и космос без Гагарина

МКАД не лучшая тропа для прогулок. Иду вдоль обочины по потоку и поминутно оглядываюсь, не раз возникало желание развернуться, вернуться к автомобилю (если его ещё не эвакуировали, конечно), позвонить на работу, сказать, что болен, взять отгул, отпуск, отдохнуть и всё тщательно обдумать.

Уже не раз я взывал к себе остановиться и больше не пороть горячку. Сам же обрываю свой трусливый голос, успокаиваю, доказываю, что без горячки никак нельзя, что без горячки закончится тем, что завтра я снова буду на работе, а послезавтра, и уже никогда, не прощу себе слабохарактерности. Не прощу того, что не решился поддаться сиюминутному порыву.

Чтобы взбодриться, я представляю, как буду писать книгу. О чём она будет, пока не понимаю, но уже знаю, как она будет написана. Она будет как джаз. Как джазовая мелодия – пульсирующий ритм задаст тихий контрабас; подхватят духовые – труба и внешне похожий, но совсем другой саксофон. И импровизация – свободный звук под заданных контрабасом ритм.

И вот под сигналы проезжающих мимо автомобилей я оставляю не только МКАД, но и сомнения. Но всё же даю высказаться и отчасти прислушиваюсь к рациональному себе. После совещания всех внутренних голосов план созревает такой: бросать свою прежнюю жизнь определенно нужно, и определенно в данный момент, но чтобы с голоду не умереть только что рождённым в новой ипостаси, во-первых, надо продать машину, во-вторых, сдать в аренду квартиру.

Решить обе задачи поможет Анатолий Викторович: Тоха – для знакомых, продавец по жизни.

Тоха круглый год носит загар, будто только что приехал с курорта, хотя просто посещает солярий. Тоха из тех самых «понаехавших», но утверждает, что родом из какой-то купеческой династии. Ещё он утверждает, что в его роду много евреев, но слух этот ничем не подтвержден. Недавно Тоха твёрдо решил жениться – спутницу жизни он выбирает по родословной, ищет исключительно коренную московскую еврейку, говорит, что так и из области выберется и нужными связями обзаведётся. Тоха добрый для своих и жадный для чужих. Беда лишь в том, что грань между своими и чужими у него размыта. Тоха – тот самый приятель, который пригнал мне из Европы машину и помог мне её растаможить. Который неделю назад интересовался, не сдаёт ли кто в моём районе квартиру. И, наконец, который звал вечером в бар.

Набираю номер, вместо гудка «Менеджер» группы Ленинград – Тоха относится к песне всерьёз и безо всякой иронии...

– Перезвоню минут через пять, лады? – тараторит в трубку и обрывает связь.

Подхожу к «Выхино». Закуриваю и решаю подождать. Вокруг кипит жизнь – лавочники, в основном гости из Средней Азии, впаривают товар уставшим, хмурылицым москвичам. Дождь давно прошел, стоит непереносимая духота и столпотворение. Моё внимание привлекает черноволосый мужичок в вельветовой куртке с кудрявой чёрной бородой-лопатой. Мужичок шуруется, обливается потом и волочет за собой огромную сумку...

Звонит телефон.

– Тоха, привет, извини, что отвлекаю, я по делу.

– Вить, здравствуй! Не, ничего! У нас на таможне проблемы... Белорусский сахар не нужен?

– Сахар? Зачем? Нет, спасибо...

– Ну, понятно, как там у тебя дела вообще?

– Нормально всё, слушай, Тоха...

– Кстати, я на неделе в Питер, а оттуда в Финку... Тебе чего-нибудь надо? Будешь заказывать?

– Не, спасибо. Я чего хотел-то...
– Так рассказывай! В бар идём?
– Тоха! Мне срочно нужно уехать! Сегодня же! Нужны деньги! Хочу машину продать, квартиру сдать, поможешь?
– А что у тебя? Помогу... Давай вечером поговорим...
– Машина сейчас, скорее всего, эвакуирована – надо выкупить. Ключи и документы могу вечером передать, доверенность сделаю. Квартира меблированная, «Цветной бульвар», отличное состояние – был у меня, сам видел. Почём сдавать, решать тебе. Как сдашь, деньги мне на карту скинешь. Давай сегодня в девять на Ленинградском вокзале?
– Замётано, Вить! А что, проблемы у тебя? Я, если что, людей нужных знаю – связать?
– Всё, хорошо, Тоха. Всё просто отлично! Давай, до вечера.
Не успеваю положить телефон в карман, как раздаётся новый звонок.
– Да, Тоха, что ещё?
– Плаха, здравствуй! – уже звонивший мне сегодня скрипучий голос.
– Добрый день! Но вы ошиблись, я не Плаха, я Виктор...
– Плаха, уже слишком поздно... Ты умрёшь, Плаха...
Настроение мне так просто не испортить, принимаю подачу:
– А знаешь что? Я уже умер – вот только сегодня. И возродился как феникс...
– Теперь ты Плаха, а Плаха скоро умрёт...
– Все мы умрём.
Закуриваю. Голос молчит, я тоже. А дальше что?
– Так звонишь-то ты зачем?
– Ты будешь много заблуждаться, идти неверным тщеславным путём, а потом умрёшь, Плаха. До встречи в Петербурге...
Кладет трубку.
Гусиная кожа на руках... Не позволю какому-то мудаку меня запугать! С Петербургом он угадал, хуй с ним! А «Плаха» – отличный псевдоним. Спасибо ему за находку...

Перед тем, как сдавать, надо провести квартиру – возвращаться туда в ближайшее время не намерен – надо убрать или выбросить личные вещи, незачем новому жильцу знакомиться со мной заочно...

Давненько не передвигался в метро. «Выхино» – станция наземная, открытая. Тут же станция пригородных электричек. Первый и второй поезд пропускаю, так как нет мест, в третий толпа сама меня проталкивает.

Дверь набитого вагона никак не закрывается, препятствует огромная сумка. Пассажиры зудят недовольством, искажаются в гримасах и направляют поток злобы на раздражитель. Кажется, будто метро видоизменяет людей, высасывает энергию и наполняет злобой. Но на меня магия в этот раз не действует – стоило принять решение, как я почувствовал себя обособленным, другим – жизненные силы приливают, и никакая давка или спешка не могут их отнять. Спешки для меня больше нет, давка же временное беспокойство, от которого в любой момент по собственному желанию могу избавиться, просто выйдя из вагона. У меня больше нет графика и нет места, где я должен быть. И я знаю, что завтра сегодняшний день не повторится.

Наконец хозяин сумки проталкивается в вагон, и двери закрываются. Поезд трогается. Создавшим затор оказывается тот самый бородач в вельветовой куртке, недавно привлёкший моё внимание. Он тихо извиняется перед всеми разом, лезет в сумку, из которой под гул вагона достает книгу, откашливается и глашатаем говорит:

– Уважаемые пассажиры...

Вагон качает, и бородач валится на похмельного красномордого мужика, который его с силой отталкивает на тучную женщину. Женщина причитает, бородач на все недовольства не обращает внимания, будто не понимая, насколько он не к месту:

– Спешу вашему вниманию представить новый эзотерический роман Жоржа Банане «Космос без Гагарина». В романе освещены проблемы бытия и небытия, описано, как посредством петрушки и обыкновенной сигареты выйти в астрал и прочистить космические каналы. Также в книге выложено интервью с Юрием Гагариным, которое он впервые за шестьдесят лет согласился дать во время своего космического полёта. Книга нигде не издавалась, у вас есть уникальная возможность приобрести авторский экземпляр всего за восемьсот рублей! По себестоимости, уважаемые пассажиры – в цену заложены только типографские услуги и незначительный авторский гонорар.

Бородач пытается пройти вглубь вагона, бубня, будто мантру: «Приобретаем книгу... приобретаем книгу...» – но не может пробиться сквозь толпу.

Остановка на станции, бородач вздыхает, толкая пассажиров и выслушивая от них упреки, запикивает книгу в сумку и пытается выйти. Я, подчиняясь очередному порыву, проталкиваюсь к выходу за ним.

– Продайте книгу! – восклицаю, не зная, как начать разговор, а главное, зачем мне этот разговор нужен.

Поезд закрывает за моей спиной двери.

Бородач бегающими глазами суетливо осматривает меня с головы до ног.

– Восемьсот рублей, – кричит он недоверчиво, но заглушая шум удаляющегося поезда.

– Уверен, она того стоит, – тянусь в карман за бумажником.

Взгляд бородача меняется: из смущенно-недоверчивого за долю секунды он превращается в хитровато-самодовольный.

– Тыща с автографом автора, – глаза сужаются, образуя сеть морщин вдоль переносицы. Достая из бумажника две пятисотки.

– Кому ставить автограф? Имя? – спрашивает, пытаюсь справиться с заевшей молнией сумки.

– Плаха.

– И всё? «Плахе»? Ладно, от себя что-нибудь добавлю.

Молния поддается, вижу стопки свеженьких книг с Гагариным в перечеркнутом красной линией круге на обложке.

– Как продажи? Неужто вся сумка за день?

– Одни убытки, знаешь... Давай на «ты»? Вот ты, Плаха, последний, кому я продал книгу по прежней цене... Мне, знаешь ли, нет возможности тягаться с крупными издательствами, которые все, скажу тебе по секрету, принадлежат одному человеку. И ты знаком с этим человеком и будешь знаком ещё минимум дюжину лет, обещаю. Это он утверждает авторов, не прямо, разумеется, через советников. И авторов на самом деле гораздо меньше, чем ты полагаешь – всё, что сейчас на слуху, пишут пять-шесть человек, работающих в кремлёвском кабинете. Цензура покруче, чем при совках будет. И насколько качественно я бы не писал – мне не пробиться, потому что некуда. Приходится самому печатать, тратить деньги, а с продажами одни убытки – вот станцию свою проехал, а на «Выхино» опять плати! И почему так? Ничего до ума довести не могут. И высокую литературу они загубят! Что может сделать пара энтузиастов против правительственной машины?

– Я как-то не понимаю... Я вне политики...

– А зря, все мы в ней живём! Вне политики! – повторяет пренебрежительно. – На вот, держи.

Бородач протягивает книгу, открываю, на внутренней стороне обложки написано: «Плахе от Банане» – не много же бородач от себя добавил...

– Кстати, если понравится «Космос», там на последней странице моя электронка есть – можешь скинуть мне отзыв, как выйдет новый роман – купишь одним из первых.

– И о чём будет роман?

– О, это история о зомби, заполняющих планету. И про героя, у которого есть шотган, но нет патронов, чтобы его зарядить. В книге много разговоров, мало действий, герой флегматичен, умрёт от чихотки, наверное... На самом деле это пародия на социум, который приводит к импотенции, ну, ты же понял, нет? Хе-хе!

– Приблизительно. Я вообще хотел спросить, как проходит процесс написания? Дело в том, что буквально сегодня тоже решил попробовать...

Банане вновь бегаёт по мне глазами, в это раз как-то ревностно. Что-то обдумывает и улыбается доброй, отеческой улыбкой:

– Ты водку пьёшь, Плаха?

– Пью. А это здесь причём?

– Я живу рядом – поможешь сумку донести, возьмём пузырь, устрою тебе мастер-класс с литературным чтением. Как тебе идеяка?

– А что, неплохо. Во времени я не ограничен.

– Тогда вперёд!

Банане смотрит то на меня, то на сумку выжидающе. Понимаю, что только что сам добровольно записался в грузчики, перекидываю ремень через плечо и поднимаю поклажу, в которой, по ощущениям, килограммов тридцать.

– Тут недалеко, – подбадривает новый знакомый, – из метро на проспект выйдем, заскочим в магазин и сразу к мясебеле пойдём.

Несу сумку молча, тихо пыхтя себе под нос. Переполняет обидой на самого себя, так легко превратившегося в носильщика, и на Банане, так легко смирившегося с несправедливо распределившимися ролями. Обида какая-то детская, вслух бы я её ни за что не высказал...

После того, как я купил в супермаркете шведский Absolut, мы поднимаемся на третий этаж – к Банане в квартиру. Мясебелю, которую он упоминал в метро, оказалась громадная, во весь дом вывеска «МИАССМЕБЕЛЬ», слева от которой и располагается его жилище.

Банане звонит в одну из квартир на лестничной площадке.

– Сейчас, сейчас всё будет... – тараторит он суетливо и робея, – сумку в прихожей можешь оставить, и сразу за мной на кухню. Там посидим, понял?

Банане решается позвонить ещё раз, но в последний момент как ошпаренный отнимает руку от звонка.

С интересом наблюдаю за переменами в нём. Понятно, что он боится того, кто нам сейчас откроет. Он часто оглядывается на меня, стыдливо заглядывает в глаза, надеясь найти в них отблески понимания. Я стою спокойно, сопереживать его страхам кажется глупым.

– Гриша, это ты? – женский голос за дверью.

– А ты кого-то ещё ждёшь? – спрашивает Банане каким-то неестественным голосом, по-прежнему оглядываясь на меня и стараясь улыбнуться: выходит натянуто и фальшиво, будто нарочно храбрится, чтобы мне что-то показать.

Дверь открывается. На пороге стоит полноватая женщина в домашнем халате. Почти квадратный скулистый подбородок, глубоко посаженные чёрные глазки, русые волнистые волосы ниспадают чуть ниже широких плеч.

– Гриш, ты что? Ой, – она запахивает халат туже, – а кто это с тобой?

– Это Плаха, – Банане рукой указывает на меня, – Плаха, это Ниночка. – представляет он даму.

– Плаха тоже писатель, мы с ним посидим немного на кухне, ладно?

– Посидите, – Ниночка, не таясь, изучает меня, – только без меня, я лучше полы домою.

Банане входит в прихожую, сбрасывает туфли (раздается запах кислого пота), кивает на дверь в конце коридора и растворяется за ней. Сбрасываю с плеча сумку, разуваясь и следуя за писателем.

На маленькой кухонке стол, представленная к нему угловая тахта, два табурета. Ещё кухонный шкаф, забитая грязной посудой раковина и холодильник, к которому на сувенирный магнит с пейзажем Крыма прикреплен счёт за квартиру на имя Григория Картошкина. Счёт с задолженностью за прошлый месяц...

На столе уже бутылка Absolut'a и две рюмки – видимо, Банане не раз встречает гостей таким образом и действия по скромной сервировке у него доведены до автоматизма. Уже при мне он извлекает из холодильника трёхлитровую банку засоленных огурцов. Вот и вся закуска.

– На мою самку не обращай внимания, сам знаешь, их дело какое, – говорит Банане, разливая по рюмкам водку.

– Самку? – переспрашиваю, рассеянно наблюдая, как жидкость растекается по сосудам.

– А ты что, не знал? Люди делятся на самцов и самок. Самки отличаются тем, что у них нет яиц. Самок гораздо больше, потому что и среди самцов они есть. Правда, бывает, и среди самок самцы попадают... Ну, будем! – выпивает Банане и подцепляет пальцами огурец из банки.

На кухне душно, тёплая водка разливается подавляющим всякое стремление жаром. Банане покрывается красными пятнами, но наливает ещё.

– Скажи, – не удерживаюсь, – а вот то, что мы в середине дня водку пьём, не помеха твоему роману?

Банане размышляет:

– Знаешь, мысли об Абсолюте и Большой Любви не мешают пить из горла литровый Absolut и ебстись на кафеле, – кивает за стену, – вот с ней. Процессы протекают параллельно. За Абсолют, в общем.

Вновь пьем, и я с разрешения хозяина закуриваю. Дым кажется чересчур едким и дерет горло...

– Так я же тебе почитать обещал, – вспоминает, – так... сейчас!

Выходит, оставляя меня один на один с табачным дымом, но вскоре появляется с кипой исписанных бумаг:

– Всё я тебе читать не буду, начну со вчерашнего.

Наливает водку, откашливается, садится на табурет и начинает:

«Замечательная вещь – женская грудь! И детишек покормить, и мужу поиграться»

– Хотя нет, не этот кусок, – мямлит краснеющий Банане и шуршит страницами, – ну, вот, хотя бы:

«После бурной ночи с Настасьей Гриня утвердился в своей давней мысли – он окончательно согласился с собой, что есть женщины простые, как соединительный карабин, к звену защёлкивающиеся без всяких проблем, и есть сложные – которых, как мокрую синтетическую верёвку, нужно суметь связать хитрым узлом, чтобы не развязалась и не выскользнула...»

– Тут вот пока этого нет, – Банане прерывает чтение, – но я потом добавлю, что нагота красива, всякая одежда скрывает естество природы и делает барышень неуклюжими. Ну, давай! «За красоту!»

Пьем, Банане продолжает говорить, жуя огурец и одновременно наливая:

– Моя же самка мне внушить пытается, что вся красота, та, что по телику – силикон и подделка, что нет идеальных форм, прикинь?

Смотрю на него хмуро.

– Тебе, как писателю, полезно знать будет, что после секса с любовницей Бальзак сказал, что за ночь он целый роман утратил. Давай! «За Бальзака!»

Настроение становится препаршивейшим, мысли давят.

– Ты что, считаешь это свинством? То, что я сказал про самку на полу? Эстет весь из себя? – вдруг обижается Банане после мрачного раздумья. – Что как так можно, с некрасивой-то?

Растерянно мотаю головой:

– Нет, я совсем не об этом думаю... Я бы про красоту другое написал...

Молчу, собираю мысли.

– Знаешь, кажется, нет красивого и некрасивого. Плохого и хорошего. Есть твоя личная оценка предмета или же поступка. Всё создано природой, и это всё не виновато, если ты считаешь это безобразным.

Банане слушает, закатив глаза куда-то вверх и вправо. Меня колет необычной ревностью, а что если он умыкнет мою мысль в свой текст?

– Может, что-то в этом и есть, – говорит он тем временем, – глубже копнуть, конечно, нужно, мыслить не так поверхностно... Касаемо субъективной оценки реальности в целом. Например, мне нравится моя квартира, нравится моя жизнь. Но с появлением гостя я, как писатель, стараюсь взглянуть на все его глазами... И не всегда картина свежего восприятия меня устраивает... Кстати, так же со словами даже мои нажористые, свежие мысли в тексте иногда выглядят глупой пошлостью, перечитываю, бывает, и становится стыдно, краснею...

Неловкая пауза, чтобы с нее себя снять, спрашиваю:

– Ты Бальзака упоминал... Классику любишь?

– Классику? А как же! Все настоящие писатели должны любить классику, разве не так? И Льва Толстого больше остальных люблю. А знаешь, за что? Да за то, что у него все герои с гнильцой какой-то! Не замечал? А вот не все замечают! – машет он рукой. – А они с гнильцой, да – все до единого! В детстве меня это напрягало, и я Толстого вообще читать не мог. А потом как-то раз с бодуна не спалось – всё думал... И вдруг осознал: да Толстой – он гений! Да не бывает других людей! Вот! Вот то, что он показать хотел! Вот зачем писал вообще! Чтобы показать – что бы мы ни делали, о чем бы ни думали, к какой бы духовности ни стремились... Все с гнильцой! Я, когда осознал – разрыдался пьяными слезами. Нет ни единого чистого человека! Все с гнильцой – запомни! С гнильцой!

Банане наливают, и мы ещё раз выпиваем, но разговор не клеится.

– Пойду, – говорю, поднимаясь.

Банане кивает, кладя локти на стол и подпирая руками голову. Поняв, что провожать он меня не собирается, я покидаю кухню...

Пока я обуваюсь в прихожей, ко мне подходит Ниночка, незаметно вышмыгнув из комнаты.

– Поговорили? – спрашивает бодро, но почему-то шёпотом. Лицо её красное и взмокшее от пота.

Киваю.

– Про самок говорил... этот?

«Этот» она выговаривает после паузы. Киваю снова.

– Я только хочу, чтобы вы знали... Я считаю, что он не прав, что заблуждается. Я считаю, самку от самца отличает умение сострадать и прощать... – она запинается.

Ничего не отвечаю, выхожу вон из квартиры в подъезд и дальше на улицу, где ни ветерка, печет солнце и стоит духота. Слегка качает и бросает в пот от выпитого. Нет, алкоголь и моя Книга не совместимы.

Купленную работу Банане со всем автографом выбрасываю в ближайшую урну.

Нужно покинуть этот город мертвецов сегодня же!

До самого поезда со мной ничего, кроме обычных бытовых хлопот, не происходит. Я убираюсь в квартире, встречаюсь с Тохой и передаю ему свои дела... Разве что на вокзале ко мне раза три подходят разные люди зачем-то поинтересоваться, во сколько мой поезд, но стоит ли этому придавать большое значение?

Веха 3. Сбивая плоды познания осколком кирпича

По шкале ужалений Шмидта, шершни жалят не сильнее пчёл. Но из-за огромных размеров первых в это сложно поверить, сложно убедить себя в правдивости утверждения.

Так же и с большим человеком – размеры внушают ужас, кажется, с ним ни за что не справиться, что он сильнее середнячка...

Но как только я почувствовал его страх...

На метро до «Площади Восстания» сворачиваю направо и на втором перекрёстке направо вновь. В откровении названий улиц я не видел, просто точный маршрут, куда двигаться. Теперь, подняв голову, читаю на табличке: «улица Жуковского». Дальше прямо до кафе «Печка», сразу же под арку, пройти сквозь первый двор-колодец – и в нем нужный подъезд в самом углу двора.

Подождать, пока кто-нибудь выйдет, нырнуть в парадную. По лестнице на второй этаж, первая квартира справа...

Стою у звонка, сжимая в руке осколок.

Только во дворе понял, что у меня нет никакого оружия, поэтому подобрал половинчатый осколок красного керамического кирпича, который сжимаю в трясущейся руке, стоя у нужной двери.

Всё снова происходит как в кошмарном сюрреальном сне, в котором я сторонний наблюдатель.

Будто бы не своей рукой нажимаю на кнопку звонка, слышу птичью трель за дверью.

Открывают почти сразу: здоровяк, которого я видел в откровении – высокий лоб, выпученные глаза, чёрной сажей размазанная по щекам щетина.

И музыка:

Ничего на свете лучше нету...

Здоровяк смотрит удивленно и почему-то пятится, впуская. Переступаю через порог.

Чем бродить друзьям по белу свету...

Груды одежды на столе, затхлый полумрак. Смотрит с испуганной покорностью, будто ожидал моего появления.

Тем, кто дружен, не страшны тревоги...

Замахиваюсь. Удар приходится чуть выше левого виска. Из рассеченной кожи хлещет кровь, заливая здоровяку лицо.

Нам любые дороги дороги...

Он выходит из оцепенения перед тем, как ямахиваюсь снова. Его зрачки расширяются, заливаясь безумством. Он наваливается всем весом. Падаем. С силой сжимает мои руки, прихлопывается лицом, измазывая щеку кровью. Почему-то не бьет, не душит. «Лёша! Лёша!» – всё взывает моим настоящим именем.

Испытываю сильнейший страх, боюсь лишиться этого человека жизни.

Здоровяк тяжело сопит над ухом, мне даже кажется, что рыдает. Его всего, как и меня, трясет. И как только я чувствую чужой страх – понимаю, в какой мере он меня боится – ранее

незнакомое возбуждение будоражит кровь, волной накатывает жажда к жестокому истреблению. Изогнув спину мостом, изворачиваюсь. Здоровяк ревет и давит, но мне удастся сбросить его с себя. Осколок кирпича, будто заколдованный, оказывается тут же под рукой.

Удар! Ещё один!

Здоровяк не сопротивляется – только прикрывает лицо руками и стонет.

Бью, пока не затихает. И множество ударов после.

Наша крыша – небо голубое

Наше счастье – жить такой судьбою.

Поднимаюсь и осматриваюсь. Шатаюсь, захожу в комнату, откуда доносится музыка. Выключаю работающий телевизор. Сажусь в кресло, на котором, видимо, сидел здоровяк до моего прихода. Даю себе отдышаться. Начинаю понимать, что только что произошло. Поднимаюсь. Подхожу к письменному столу: исписанные мятые листы, включенный компьютер, какой-то набранный текст, пара рюмок и бутылка водки.

Отпиваю из горла, обхожу комнату. Боюсь, не открыта ли входная дверь – возвращаюсь в прихожую и, не опуская глаз на недавно живого, проверяю. Закрыта. Когда успел?

Снова в комнату, беру со стола чужой мобильный – прячу в карман. Обыскиваю шкафы и вещи. В кармане джинсов, висящих на стуле, обнаруживаю бумажник – в нём документы и деньги – семь семьсот. Купюры в карман. На кухне умываю лицо, пытаюсь отмыть с одежды кровь...

Прислушиваюсь, приоткрываю входную дверь – никого. Стараясь не шуметь, крадусь вдоль стены вниз. Двор. Второй. Арка. Улица. Поворот. Метро. Зачем-то возвращаюсь на «Балтийскую». Магазин, бутылка дешёвой водки. Влево по обводному каналу – гостиница. Снимаю однокомнатный номер. В кедах на кровать. Замечаю, что в нескольких местах оцарапал руку. Пью из горла, хотя достаточно опьянен случившимся.

Яд слов, яд других жизней... Черпать опыт из чужих мыслей неправильно, обречено на неудачу, смертельно... Следовать шаблонам – программироваться на неудачу... Яд в словах, коллективное уничтожение мира... Тщетная надежда, что подскажут как надо: жить, думать, делать. Вера в пророков и непонимание, что они отличаются от остальных лишь тем, что им хочется высказаться. У каждого своя правда, и ей надо следовать.

...Яд в словах, коллективное уничтожение мира...

Как только осмыслил, что старение меня больше не донимает, я пробовал искать успокоение и ответы в книгах.

Прочитал противоположные, исключаящие одна другую концепции, советы, как правильно жить и как следует умирать. Увидел громадное количество чужих страхов, с которыми авторам страшно находиться в одиночестве и о которых им требуется поговорить. Наслушался пошлостей о доброте и сострадании...

Нелогичные цепочки умозаключений, когда повествователь сам не понимает, о чём говорит. Когда автор не чувствует свою вроде бы правильную мысль... Или чувствует, но биография говорит, что он ей никогда не придерживался...

И из всего этого оседает в памяти, паразитом живёт в подсознании лишь то, что каким-то образом оправдывает, утешает, уютно сопутствует существующим в тебе мыслям.

Единственная мысль, нашедшая отклик во мне: мир – игра бурлящего разума. Мира нет – это иллюзия, созданная из слова. Но произнёсшего это стоит линчевать первым – какое кошун-

ство выражать эту мысль словами, ибо выраженная, она теряет смысл. Не поучает мудрости, а травит бытием.

Мира нет, и так должно быть!

Жизнь должна быть проста и гармонична! Словно её нет... Жизни нет.

А как же Господь?

Допитая бутылка выскальзывает из руки и со звоном падает на кафель...

Засыпаю, наполняя гостиничный номер перегаром.

Сухо во рту, нечем дышать – в царстве мёртвых нет кислорода. Писака стоит передо мной, улыбаясь:

– Уже двое. Жаль, не могу насладиться немного улучшенным миром. Просто анекдот!

Осматриваюсь, ничего и никого, кроме писака, не вижу. Чувствую, как пульсирует рана на руке.

– Что ты мне привил? – спрашиваю.

Прыскает смешком:

– Да что я привить-то мог? Я ведь мёртвый. Анекдот! Так, покусал немного.

– Я сплю? Тогда почему после прошлой встречи рана перенеслась в реальность?

– «Кошмар на улице Вязов» видел? – зубоскалит писака. – А вообще, тебе лучше знать о своих язвах.

Испуг пронзает порывом холодного ветра. Наверное, из-за того, что нахожусь во сне, страх ощущаю чем-то физическим.

– Третий раз видимся, – мог бы и имя спросить...

Молчу.

– Знакомиться будем? Тебя лучше Вехой звать, так?

– Не должен ли ты третий, седьмой день проходить сейчас или готовиться к прохождению, вместо того чтобы со мной болтаться?

– Чего?

– Ну, православные, например...

– Православные? И это мне говорит человек, пытающийся уничтожить тех, кто учит мечтать. Что за каша у тебя в голове, дружок? Анекдот, да и только!

Озноб по всему телу. Настолько реальный, что сложно поверить, будто сплю, но в то же время не могу концентрироваться, и речь льется неконтрольным потоком:

– Теперь я знаю, что Господь существует. А если заглянуть в Библию, становится ясно, что всё началось после того, как Адам и Ева вкусили яблоко познания. Чувствуешь? Был Рай на Земле, пока первые люди не научились познавать, думать – это всё от Дьявола! В этом первородный грех.

– Боже, ты слышал этот анекдот? – писака наигранно крестится. – Ты хоть Писание читал? Какое яблоко познания? Они вкусили плод с Древа познания Добра и Зла. *Добра и Зла*, я подчёркиваю. Разницу чувствуешь, философ недоделанный?

Пот обильно стекает по лбу, но невыносимо холодно.

– Все слышали главное, а остальное можно додумать. Текст наверняка сильно искажён...

– Додумать? Да ты послушай себя – ведь сам себе же перечишь.

Понимаю, что путаюсь. Виной лихорадка, из-за которой в голову будто бы навалено тяжёлых булыжников.

– Не перечу. Да, додумать! А думать я могу, потому что уже отравлен! И пусть не яблоко, пусть плод с Древа познания Добра и Зла. Это ничего не меняет. Если бы человек не мог

фантазировать, думать, он не смог бы делить на доброе и злое, плохое и хорошее. Он бы всё принимал таким, каким оно есть – *не думал бы*, понимаешь?

Писака щёлкает пальцами:

– А я только что понял, откуда у тебя такие мысли берутся! Сказать?

Пытался прочитать сарказм в его мутных глазах.

– Так сказать? Ну, слушай! Анекдот!

Наконец разбираю, где мы – тёмный бар, я за стойкой, передо мной пустой бокал, на полках впереди батареи бутылок. Писака в этом заведении бармен: брюки, полосатая рубашка и жилетка, через плечо перекинута полотенце. Стоит, опираясь руками на стойку.

Вот тянется поближе ко мне, чтобы перекричать музыку, которую я не слышу, но знаю, что она есть и играет громко.

Что секунду назад мы стояли друг напротив друга в пустоте, меня не смущает. Писака кричит, и его голос, хрипловатый и басистый, – таким он со мной не разговаривал, – доносится до меня:

– Тёлку тебе надо! Поебаться хорошенько! Вся дурь выйдет!

И мы снова в пустоте, в которой нет ничего, кроме нас. В голове шумит, будто уютный домик, в котором обитали мысли, подорвало динамитом, и теперь их разлетевшиеся ошмётки бьются о стенки черепной коробки.

– Анекдот, да? Я перегнул, конечно, но влюбись ты – мыслить бы начал иначе. Любви в тебе нет, Веха.

– Ты-то что обо мне знаешь? – неловкое смущение заставляет нелепо обороняться.

– Я теперь, благодаря тебе, многое знаю, – улыбается очень спокойно.

Передо мной действительно живой покойник или игра подсознания?

– И как же я начну мыслить?

– Не попробуешь – не узнаешь, – сентенциозно замечает. – Странный ты, Веха, на убийство пойти – пошёл, а влюбиться не решаешься. Анекдот!

Лихорадка накрывает второй, более мощной, волной.

– Если ты такой всезнающий, то должен понимать, почему...

– Любовь творит чудеса, – разводит руками.

Понимаю, что уже какое-то время доносится назойливый стук. Понимаю и то, что стук доносится из реальности, в которой я сплю на кровати гостиничного номера. И это понимание мигом выводит из сна в состояние полудрёмы. Писака исчезает.

То, что он сказал – намёк свыше, или то, что я хотел услышать, раззадоренный фантазиями?

В дверь продолжают стучать. Пора выселяться? Сколько я проспал – час, пару или сутки?

Резко поднимаюсь, и приступ тошноты сдавливает грудную клетку, вяжет горло. Под мой рёв мерзкая жижа разливается лужей под ногами. Становится легче – шатаюсь, подхожу к двери:

– Кто там?

Нет ответа. Думать и переносить доставляемую ожиданием и нахождением на ногах муку я не в силах – отпираю незваному гостю.

За порогом парень приблизительно моего возраста. На нем яркая летняя брезентовая куртка в красно-синий крупный ромб, спутанные в дреды грязные волосы, гладковыбритое загорелое лицо и блеск в огромных чёрных зрачках, от которого мне делается дурно.

– Ну, ты даёшь ваще! – произносит он с восторженной улыбкой.

Плаха 3. Общий вагон, «ой» и тяга к никотину

Направление Москва – Санкт-Петербург перегружено, место в плацкартном вагоне надо брать загодя, в день отбытия билеты распроданы. В новой жизни я не могу позволить роскоши купе или сапсана – кто знает, когда Тохе удастся выручить денег. Накопления есть, но не понятно, на сколько их придётся растягивать.

Поэтому, когда вижу свободное место в общем вагоне за семьсот рублей, веселею и беру билет, не раздумывая. Ехать в ночи девять часов. В «Википедии» же об общем вагоне сказано: «вагон предназначен для перевозки пассажиров, едущих не дольше 5–6 часов с минимальным комфортом». В общем – в общем.

Еду без багажа, с собой сумка с ноутбуком на ремне через плечо, в которой, помимо самого ноутбука, паспорт и бритва.

Дойдя до вагона, закуриваю. Настораживает разговор двух толстяков, которые попеременно хватаясь за головы, обсуждают, как будут ехать:

– Там же не поспать, – возмущается первый толстяк второму.

– Вообще пипец! Что делать будем?

– Надо что-то придумать.

– Офигительно! И что предлагаешь?

– Договориться с проводником, может, кто из пассажиров сойдёт раньше. Если нет – спать будем вахтенным методом, по два часа каждый.

– Это ты пиздато придумал!!

Отправляю окурочку с перрона вниз, на рельсы. Показываю проводнице билет, узнаю, что у меня второе купе, захожу в вагон, десятое место. Понимаю, что ожидает весёлая ночь.

Купе – двухместный СВ, где стены обставлены зеркалами, а на двух полках сидя едут шесть человек! На полке напротив моей: черноволосая девушка у окна, рядом таджик на вид лет пятидесяти и улыбочивый полноватый парень. На моей полке – две девушки, и я с краю, у двери. «Добрый вечер», – говорю рассеянно и стараюсь поудобнее усесться, что удаётся с трудом – в бок впирается металлическая складная лестница, предназначенная для того, чтобы удобнее было закинуть вещи на верхнюю багажную полку. В СВ это правда было бы очень удобно...

– Вы о вагоне тоже ничего не знали? – интересуется черноволосая девушка.

– Только приблизительно, – мотаю головой, ёрзая на месте в надежде найти положение, в котором лестницу не буду цеплять.

– Мы думали, – черноволосая девушка кивает на подругу, сидящую напротив, – что взяли места в плацкарте.

– А у меня так в билете и сказано, – добавляет полноватый парень.

Таджик на своём месте молчит.

– Такое отношение может быть только в России, – возмущается девушка, сидящая рядом со мной. – В любой другой стране пассажиры, увидев места, сошли, вернули бы деньги, железная дорога пару раз потерпела бы убытки и пустила дополнительные поезда с нормальными вагонами.

– Так почему не сойдёте? – спрашивает девушка с моей полки у окна.

– Ехать надо...

Таджик отрешённо молчит.

Становится душно, одновременно с этим поезд трогается. Проводница заглядывает в купе проверить билеты.

– Скажите, случайно нет свободных мест в плацкартном? – интересуется девушка, сидящая около меня.

- Весь поезд с общими местами.
- Как такое может быть, впервые встречаю подобное.
- Вы знали, на что идете.
- Нет, между прочим, – вмешивается полноватый парень, – пробовал на вашем сайте найти фотографии, есть только вагона-ресторана и мест в Сапсане...
- Нам же ехать девять часов, – с грустцой добавляет девушка, сидящая около меня.
- Проводница тяжело вздыхает:
- В этом году такое впервые. А что поделать? Узбеки зимой заморозили сто семьдесят вагонов – десять составов. Поездов не хватает.
- Таджик смотрит впереди себя. А может, он и узбек? Все они на одно лицо...
- Как заморозили? – спрашиваю.
- А вот так! Зимой поезда надо отапливать... трубы и полопались...
- Так это же зимой было... И вообще, причём тут узбеки?
- А кто у нас работает?
- Не знаю... А кто ими руководит?
- Проводница не отвечает, завершает проверять билеты.
- Скажите, а окна открываются? – это девушка, сидящая около меня.
- Сейчас поезд скорость наберёт, наверное, кондиционер заработает, – туманно отвечает проводница.
- Как теперь спать? – вздыхает всё та же девушка.
- Полноватый парень кивает на другую девушку с моей полки, та, заняв витиеватую позу, засыпает.
- Она врач, – поясняет ее подруга, – ночами дежурит – так что может спать в любой ситуации и в любом положении...
- Поезд набирает скорость, духота не сходит. Таджик выходит из купе, возвращается с горячим чаем в стакане с фирменным подстаканником. Выхожу покурить в тамбур (там, где раньше в стену была встроена пепельница – теперь наклейка с перечеркнутой сигаретой, которую все игнорируют). В тамбуре уже курят и что-то обсуждают трое ребят, объясняясь, оперируют русским и английским языком – интернационал, студенты по обмену, интеллигенция...
- Возвращаюсь в купе. Идёт живое обсуждение зеркал, участвуют все, кроме таджика и спящей в странной позе йога девушки.
- Или мы как в передаче. «За стеклом». И большой брат сейчас наблюдает за стримом, – видимо, выдвигает уже не первое предположение девушка, сидящая около меня.
- Ага, – подхватывает полноватый парень, – и как доберёмся до Питера, начнётся второй тур, отцепят вагон, пассажиров распределят по восемь человек в купе и поедем обратно в Москву.
- Почти все нервно смеются.
- А мне кажется, – говорю я, сам думая, чем бы закрыть впивающуюся в бок лестницу, – что зеркала для того, чтобы мы видели, какими вошли и какими выйдем после...
- А я бы даже поспала, – говорит черноволосая девушка, – если бы было, что положить под голову...
- Таджик тянется на багажную полку, достаёт оттуда пакет с одеялом, протягивает девушке.
- Спасибо большое...
- В купе молчание, у таджика заканчивается чай, он выходит и возвращается с новым полным стаканом в подстаканнике. Душно – спина и подмышки в поту...
- Едем, разговаривая и как-то нервно шутя, час, другой, третий. Таджик молчит, девушка-врач (инфекционист, о чём нам сообщила её черноволосая подруга) спит. Народ всё чаще топает по коридору в сторону проводницы...

Проводница заходит, просит помочь Славу (уже успели познакомиться) помочь. Они открывают в коридоре все окна. Становится свежее.

Хожу курить. В тамбуре интернационал распивает пиво. Из подслушанных разговоров узнаю, что они – русский, немец и узбек. Немец на ломаном русском рассказывает товарищам впечатления о какой-то стране:

– Они животные, – акцентом выделяется звук «ТН», – я на площадке фотографировал, ко мне попросили закурить, я сказал, что не курю – а мне дали этого, как по-русски? Бзды!

В коридоре мужик у открытого окна говорит меланхолично:

– Сейчас ехали, лось стоял – килограммов на четыреста...

Понимающе киваю, возвращаюсь в купе. Ближайшая соседка по месту рассказывает:

– А я как-то в купе ехала три дня и две ночи. Тоже не спали. Место на верхней полке было у тучного такого мужика – он пришёл и заявил: «Обычно я раздаю соседям беруши, но сегодня забыл купить. Сейчас я пойду в ресторан, вы пока спите. Ночью приду сильно пьяный и буду храпеть». И он сдержал обещание.

Инфекционист, услышав смех, просыпается и на нас всех рассеяно смотрит.

– А столбняк – это инфекция? – спрашивает моя соседка. – Меня просто как-то медвежонок в заповеднике укусил...

Инфекционист занимает новую сложно выполнимую позу и засыпает.

Дремлю сидя – видятся мимолётные сны о тюрьме и переполненной камере... Просыпаюсь в ужасе.

В курилке интернационал пьян и по пояс гол. Узбек рассматривает волосатую грудь немца:

– У нас тут редко растут волосы, – говорит он немцу на русском без акцента, – если переводить с узбекского, то мы их называем «борода ангела». Все женщины были бы твоими...

Мужик у открытого окна в коридоре всё так же меланхолично делится своим очередным наблюдением:

– Сейчас проехали деревья, выглядит, будто они растут вверх ногами. Красиво...

Понимающе киваю, возвращаясь на место.

Сильно хочется спать, глаза слипаются.

– Смотрите, – ровно и спокойно говорит моя соседка, – туман и рассвет. И месяц...

– Месяц нам ещё ехать, – устало комментирует таджик. Впервые за всю поездку.

Молчим, только стук колёс по рельсам. Вид из окна чудесен. По полю разлит туман, на горизонте тонкий ореол света излучает восходящее солнце, в небе завис жёлтый серп изрепечённого кратерами перевёрнутого месяца... В купе становится очень тихо, из открытых в коридоре окон проникает ветер.

Моя соседка спит – её голова опускается мне на плечо. Спит, сложив ноги на сидении по-турецки. Упругие загорелые ноги с тоненькими редкими волосиками у щиколоток, белым свежим резцом чуть выше правой коленки, с паутинкой вен, просвечивающихся через тонкую кожу на внутренней стороне бёдер. Штанины узких шортиков от ёрзанья на сидении слегка задраны – она не заметила и не успела поправить. Её небольшая грудь вздымается на каждом спокойном вздохе, сквозь маечку едва заметно выступают соски. Аромат волос кружит сонную голову, подступает возбуждение.

Раскладываю впивающуюся в бок лестницу, кладу на неё локоть, упираюсь головой в ладонь и тоже засыпаю...

Шесть утра – ещё ехать около часа. У черноволосой девушки волосы спутались и сильно засалены. Глаза таджика полузакрыты или полуоткрыты, и он всё-таки узбек. Слава ладонями

растирает вздутое, как после попойки, лицо. Инфекционист смотрит вокруг опухшими глазами с полопавшимися капиллярами. У меня во рту дурной налёт от высохшей слюны, скверное горячее дыхание и привкус табака на зубах. Моя же соседка выглядит бодрой.

Выхожу в туалет, чищу зубы и умываюсь. Затем в тамбур – выкуриваю сигарету. Возвращаюсь – узкий проход у туалетов, дверь одной из кабинок открывается – останавливаюсь, пропуская. Соседка по полке, что спала на моём плече. Встречаемся взглядами. Молчание. Кружится голова, сердце учащает ритм. Электрический разряд между нами – покалывают пальцы.

Карабин защёлкнут, верёвки сплелись в сложный узел...

Двигаемся навстречу друг другу. Её руки на моей талии. Обхватываю плечи, смыкаю пальцы на спине. Соприкосновение губ, полуоткрытый рот, жадно слизываю капли под её языком. Оказываемся в кабинке. Захлопнутая дверь, щелчок защёлки. Руками по телу – уверенно, но немного неуклюже, а от этого грубо. Целует меня через футболку. Снимаю с неё маечку. Грудь в ладони. Впиваюсь в затвердевший сосок. Джинсы, шортики на загаженный пол. Она на раковину. Ищу. Направляю. Помогает войти. Внутри. Её глаза прикрыты, глубокий выдох через широко открытый рот. Целую в губы, зубы, ласкаю языком язык. Мы бурлящее одно. Яркая вспышка в глазах и брызги в неё...

– Ой!

– Блин, в меня-то зачем? – спрашивает, и начинает хохотать. – Назовём сына Ойем?

– Извини, не успел...

– Ничего, не парься, сегодня безопасный день.

Спрыгивает с раковины, отматывает туалетной бумаги, подтирается, быстро и ловко надевает маечку, трусики и шортики. Мне, чтобы одеться в узком пространстве кабинки, требуется больше времени...

После курил в тамбуре. Подношу зажигалку к её сигарете, пламя гаснет. Чиркаю ещё раз – ей приходится наклонить голову, чтобы прикурить. Кажется, что этот наклон головой для неё унизителен. Немного смущаюсь...

– Поебались, давай знакомиться? – обращается ко мне, выдувая дым и надувая щёки.

Молчу, смотрю на неё.

– А что? – отвечает на мой взгляд вызовом.

Делаю несколько затяжек. Кажется, её понимаю, но, если сказать об этом, обидится. Мысли лучше не разбрасывать – они жемчужины, которые не стоит переводить на слова, каждую невысказанную мысль я сберегу для книги...

– Ладно, смотри, – суетливо затягивается и выпускает дым, – то, что произошло, произошло впервые... Я не про секс, а про ситуацию... Ты не думай, что я это...

– Я и не думаю, – тушу сигарету, открываю дверь между вагонами и выбрасываю окурочек в щель на рельсы, – ты хорошая, это видно.

– Хорошая... – повторяет она с ухмылкой, – у меня свои демоны.

– А у кого их нет? Давай забудем что было и познакомимся прямо сейчас?

– Боюсь, как бы наше знакомство не продлилось до твоей следующей сигареты.

– Я только что выкурил последнюю в своей жизни...

– Не зарекайся... Так тебя как зовут?

– Плаха.

– А... Ну, понятно... А меня тогда Птаха... Птаха на Плахе, – смеется.

– Приятно познакомиться.

– Ты это серьёзно?

– Что конкретно?

– Плаха?

– Ну да.

– Ну-ну. А что в Питере, живёшь?

- Нет, я из Москвы.
- А я местная, – Птаха кивает на окно, – надолго к нам?
- Не знаю. Может быть, навсегда.
- Где остановился, квартиру снимаешь?
- Пока нигде... В гостинице, скорее всего.
- Так! Мне оставили ключи цветы поливать – поживёшь пока на Мойке, идёт?
- Идёт...
- Ты же сейчас хотел скаламбурить про помойку, так?
- Ты наблюдательная.
- У тебя глаза честные.
- А у тебя красивые.
- Не льсти.
- Правда. Не веришь – посмотри в мои.
- Всё, приехали!

Поезд тормозит и нас качает. Птаха идет к купе, я следом, не пытаюсь успеть за суетливым шагом.

Что произошло? Ведь вся будто по сценарию из порнофильма сыгранная ситуация для меня тоже впервые. Судьба, любовь и страсть? Или недосып и похоть? Что я чувствую? Пожалуй, неловкость. Что чувствовал? Что было до – не помню, что-то яркое и фантастическое, после же разочарование, что всё закончилось, а финал не принёс того удовольствия, которое обещал. Я выпустил семя, а с ним вышло и всё волшебство. Значит, семя, что мысль – его не стоит разбрасывать, а надо беречь...

Соседи по купе суетятся, копошатся с багажом. Птаха тянется за рюкзаком, я помогаю его снять – в ответ она жестом дает понять, чтобы я держал дистанцию, пока мы в поезде. Неужели стыдится случайных попутчиков?

Двери открываются, и пассажиры выходят. Каждый, проходя мимо проводника, за что-то его благодарил – никогда не понимал этого ритуала.

– На метро или пешком? – спрашивает Птаха, когда мы теряем из вида наших прежних соседей.

Пожимаю плечами.

– Пойдём пешком? Тут недалеко.

– Пойдём.

Указывает рукой направление. Вызываюсь нести ее легкий рюкзак.

– Этот город воодушевляет на творчество, не находишь? – она легко и весело кружит, волосы вздымаются на ветру.

Идём по Невскому. Настроение – лучше некуда. Кажется, Питер возвращает жизнь, которую высасывал город мертвецов. Разумеется, я понимаю, что это только «кажется», и дело не в месте, а в принятом решении оставить всё фальшивое и заняться тем, чем хочется. Но обманываться, присуждая заслугу Питеру, приятно.

– Посмотри кругом! Я не была здесь почти месяц, – говорит, захлёбываясь словами, – трепет берёт, когда осознаёшь, что это сотворили люди.

– Угадываешь мои мысли, – радуюсь по-детски, – только что думал о том, что предназначение человека в созидании нового и прекрасного.

– А представляешь, в Австралии есть племя, которое до сих пор не изобрело колесо...

– Что за племя? – замираю на месте. Вся давешняя радость куда-то девается, словно с яркого попсового клипа переключили на экстренный выпуск новостей.

– Не знаю... друг рассказывал – он в Австралии живёт. Даже колеса не изобрели! Представляешь, какие чудики?

– А, может, они счастливы? Как раз потому, что не изобретают, а живут в согласии с природой.

У меня приятно давит над глазами, и пальцы подушками трутся друг о друга, наконец понимаю, о чём будет книга.

– Да ладно тебе. «Счастливы». Они-то о счастье, как и о колесе, небось, ничего не слышали.

– А кто слышал?

– Что?

Отмахиваюсь. Жемчужины нельзя разбрасывать:

– Хочешь мороженое?

– Давай!

Останавливаюсь у лотка, который как раз проходим.

– Только я хочу с кофе, – дергает меня за рукав, – пойдём!

Не перейдя Аничков мост, сворачиваем на Фонтанку, я же наивно хотел удивить жительницу Питера головой Наполеона под одним из коней... Может, хорошо, что мы так и не перешли моста...

«Viva La Vita» – на вывеске, спускаемся в подвал. У стены три небольших столика, за первым на гитаре играет похожий на Цоя музыкант. По центру несколько столов побольше, один из них полностью занят умеренно шумной компанией, остальные столики свободны.

Занимаем дальний у стены, официантка приносит меню, не заглядывая в которое, Птаха заказывает ванильное мороженое и кофе, я чёрный кофе без сахара.

Птаха тут же выходит покурить, я с голодной завистью смотрю ей вслед – но решаю дать бой никотиновому монстру.

Возвращается очень быстро, молчим – как только вошли в кафе, разговор перестал клеиться...

Из-за столика с умеренно шумной компанией выходит парень в очках, клетчатой шляпе и полосатой рубашке. Смущённо подходит к нам.

– Мисси, привет...

Птаха смотрит на парня раздражённо:

– Ну, здравствуй!

– А ты не одна? – смотрит он на меня сквозь очки и с небольшой амплитудой кивает.

– Как видишь.

– Можно присяду?

– Нет.

Несмотря на запрет, очкарик садится рядом со мной. Принимаю решение безучастно наблюдать, чтобы понять, что к чему...

– Ты меня не представишь? – спрашивает очкарик у Птахи.

Она молчит и смотрит куда-то вверх, между стеной и потолком.

– Данила! – протягивает руку очкарик. – Блогер.

– Плаха. Всегда интересовало, как это? – спрашиваю, пожимая руку.

– Что «как»?

– Как с монетизацией?

– А это не профессия...

– Что тогда?

– Это... – очкарик смотрит на Птаху и, убедившись, что она, пусть и не показывая виду, прислушивается, продолжает: – Это взять душу, обнажить, ощупать, найти кусочек посочнее – с прослойкой жирка! И ножницами – ЩЁЛК! Бросить кусочек толпе.

Данила многозначительно молчит, видимо, позволяя осмыслить сказанное. С горечью замечаю, что Птаха на него украдкой поглядывает.

– Так много зарабатываешь?

Услышав вопрос, она опускает глаза. Я готов проклясть себя за то, что, не обдумав, по торгашной привычке, спрашиваю о том, что меня не интересует.

– А?.. Что?.. – Данила рассеянно пропускает мой вопрос мимо ушей. – А ты, Плаха, чем занимаешься?

– Я-то? – переспрашиваю, беря паузу на размышление. Что-то подсказывает, что менеджером в Петербурге быть зазорно, а писателем назвать себя – нечестно.

– Ты, Плаха, ты, – поторапливает с каждым словом наглежащий Данила.

– Писатель, – отвечаю, смотря на него в упор и чувствуя, как кровь приливает к ушам.

Птаха морщит губы, с трудом сдерживая улыбку.

– И что, большими тиражами издаёшься? Как ты сказал, твоя фамилия?

– Данила, – вмешивается Птаха как раз в тот момент, когда понимаю, что загнан в угол и единственным выходом из неприятного вопроса будет применить физическую силу. – Раньше ты был интересным, хоть и молчал... А сейчас скучный какой-то, хоть говоришь без умолку.

Воздух вокруг столика пропитывается молчанием и гитарной музыкой так плотно, что становится тяжело дышать...

Приносят мороженое и кофе.

– Скучный? – Данила в задумчивости ковыряет угол стола. – Так это потому что счастливый... Помнишь ведь, счастливые всегда говорят о пустом, вызывая скуку и зависть у случайных?

Птаха морщится.

– Я счастлив, да, – пытаюсь убедить, повторяет Данила. – В жизни, оказывается, ничего кроме жизни и нет. Я это наконец понял и теперь наслаждаюсь каждым новым днём. Вот ты от меня ушла, и пришла боль. Но ведь это жизнь, и я ей безумно благодарен, что она подарила мне такое чувство. Или вот сейчас... Сажу за столиком с девушкой, которую люблю, только раньше я мог её обнять, поцеловать, прошептать какую-нибудь забавную бессмыслицу на ушко, а теперь она чужая... Здорово ведь! Спасибо жизни за контраст! Настоящее счастье в палитре эмоций! Я скучный – да! Но оттого, что наслаждаюсь жизнью! Счастливей некуда! Спасибо тебе за это, Господи!

– Ты извини, – обращается он ко мне, его глаза под очками набухают влагой, но слез нет, – после того, что я сказал, я не должен сидеть с вами...

Хочется накинуть удавку на каждое произнесённое им слово. И душить, душить...

Он встает и направляется к выходу. Смотрю на её тягостную задумчивость... Она оглядывается, вскакивает и бежит за ним.

Подхожу к барной стойке и заказываю пачку сигарет. Бармен напоминает, что уже давно не торгуют, но угощает сигаретой...

Возвращаюсь на место – смотрю на кофе, делал пару глотков...

Казалось бы, бросил курить, а теперь борюсь с тягой к пачке. Внутренний спор идёт, но вдруг что-то щёлкает, и пусть ты пытаешься убедить себя, что курить не стоит, сигарета уже в зубах...

Узкий проход к двери, влажный питерский воздух... Щелчок зажигалки, дым чешет лёгкие, успокаивая душу...

Веха 4. Паладин, Чайковский и красота в сравнении

...За порогом парень приблизительно моего возраста. На нем яркая летняя брезентовая куртка в красно-синий крупный ромб, спутанные в дреды грязные волосы, гладковыбритое загорелое лицо и блеск в огромных чёрных зрачках, от которого мне делается дурно.

– Ну, ты даёшь ваще! – произносит он с восторженной улыбкой.

– Вам кого? – тихо спрашиваю, борясь с вновь подступившим чувством тошноты.

– А тебя как звать? – наклоняет голову набок, рассматривая меня.

– Не понимаю...

– Папашу моего из-за денег ёбнул?

Темнеет в глазах, кажется, что с силой вдавливают во что-то мягкое и вязкое.

– Что?.. – спрашиваю неохотно подчиняющимся голосом.

– Слу, дай войду?

Сторонюсь, он проходит в номер и закрывает за собой.

– Второй раз за тобой закрываю...

Стоит ко мне вплотную, обдавая горячим дыханием, что-то неправильное в этой короткой дистанции между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.